

====Лелуш====

— Я все же должен спросить, Лелуш: о чем, во имя всего святого, ты думал?

Этого разговора он боялся больше всего. Ни морального упрека Сузаку, ни аморального упрека генералов. Гораздо хуже любого горячего гнева или ярости был холодный и клинический анализ его старшего брата, Премьер-министра Шнайзеля.

— Тебе чем-то не нравится моя стратегия? — спросил Лелуш, ясно осознавая, что слова нужно подбирать осторожно. — Ты не согласен с моим решением изгнать их?

На это Шнайзель устало вздохнул и помотал головой.

— Нет, в этом, по крайней мере, есть смысл. Ты избавился от неприятного элемента из этой Зоны и превратил его в отвлекающий маневр для другой мировой державы. Однако, с чем у меня проблема имеется, так это...

— Упругие сусликовые короли.

Лелуш почувствовал приближающуюся гримасу и сковал ее цепью, не давая зверью накормиться. Он наполовину ожидал этого, все-таки Шнайзель был из тех людей, которые наверняка прочитают документацию, узнают вовлеченные имена и уже отсюда...

— Заметил анаграмму? — спросил Лелуш, опускаясь в собственном кресле. — Значит, ты не одобряешь мою большую стратегию.

— Не одобряю? — переспросил Шнайзель. Он наклонился вперед. Появилось такое ощущение, словно он вторгается в личное пространство Лелуша, хотя они были на расстоянии половины планеты друг от друга. — Ты говоришь так, как будто тут есть что одобрять... Или какой-либо способ мне помешать тебе осуществить этот глупый план.

Что ж. Похоже, старший братец был не в настроении играть в игры. Лелуш немного расслабился в своем кресле и недовольно посмотрел на человека, находящегося за полмира от него. Самый опасный противник, с которым ему придется сражаться при Императорском дворе. Можно было подумать, что этим человеком окажется сам Император, и действительно, он был недалеко от этого. Однако, Шнайзель... Шнайзель был совершенно другим зверьем с точки зрения проекции угрозы. Там, где Император был рычащим и могучим львом, Шнайзель больше походил на сине-кольчатого осьминога. Он может показаться маленьким, но его яд принадлежит к числу самых ядовитых животных в мире.

В этом ключе можно даже сказать, что этот разговор был похож на плавание в бассейне, в котором живет по крайней мере десять сине-кольчатых осьминогов. Вы не знаете сколько их там, но ваша жизнь будет зависеть от того, сделаете ли вы хотя бы один неверный шаг, когда сделать его оказалось бы сущим делом.

— Глупый план? — спросил Лелуш. Он скрестил ноги и посмотрел на Шнайзеля, вздернув нос.

— Глупый план - спасти принцессу Юфемиию? Глупый план - раскрыть личности тех, кто повинен за неоднократное вмешательство в наши внутренние дела? Глупый план - привлечь к ответственности тех, кто стал причиной гибели тысяч британцев и многих других? Скажи же мне, дорогой брат, что во всем этом такого глупого?

— Та часть, в которой ты вознамерился играть игру, которую они же и устроили для тебя, — спокойно ответил Шнайзель. — Лелуш, ты можешь думать, что готов, но ты все еще

сознательно идешь по пути, который они для тебя проложили. У них есть контроль над местностью и людьми, и я полностью убежден, что у них все еще есть по крайней мере одна рука, которую можно разыграть. Если ты серьезно намерен решить эту проблему, ты должен решить ее на своих условиях, а не на их.

— Таков, значит, твой ответ на Парадокс шахматного мастера? — спросил Лелуш. — Побеждает игру тот, кто поставил свои условия. Насколько же высокомерным ты должен себя ощущать.

— Игры также могут быть фигурами большей игры, Лелуш. И я боюсь, что игру, которую ты затеял, может оказаться одной из таких фигур.

— Игры, фигуры. Никакого сострадания? Никакой заботы о тех, кто погиб?

— Что случилось все еще остается трагедией. Никто с этим не спорит. Меня лишь тревожит, делаешь ли ты это потому, что это правое дело, или потому, что тебя поглотило чувство вины.

Лелуш лишь фыркнул на такое.

— Мои эмоции все еще под контролем, спасибо за беспокойство.

— Так ли это? — многозначительно спросил Шнайзель. — Это стандартная тактика террористов. Вынудить правительство к опрометчивым действиям, которые в конечном итоге сыграют им на руку. Может возникнуть сильное убеждение, что сделать что-то намного лучше, чем делать ничего, когда довольно часто верно обратное. В момент самой нашей уязвимости, мы в глубине души верим, что победа у нас в кармане. Ты действительно готов, или ты обманываешь себя, думая, что готов?

— Есть еще что сказать? — спросил Лелуш. — Шнайзель, это поистине такое высокомерное мышление. Ты хочешь, чтобы я бездействовал? Однако, тогда они будут устраивать новые нападения, чтобы спровоцировать нас, пока сам народ не заставят нас что-то сделать.

Он нахмурился и на мгновение замолк. Шнайзель подумал бы об этом, не так ли? Лелуш продолжил:

— Их мотивы непрозрачны, и поэтому мы будем действовать единственным способом, который все прояснит. Ты говоришь, что именно в момент неизбежной победы мы наиболее уязвимы? Тогда я заставлю их подойти к самому уязвимому месту! Убивать может лишь тот, кто сам готов быть убитым! И это не вина, также как и не справедливость.

Лелуш позволил мрачной предвкушающей улыбке расползтись по его лицу, миллиметр за миллиметром, пока он не надел ее как маску.

— Это... совсем другое. Пусть у них будет их секретное оружие, потому как у меня есть собственное. Они стремились рассказать эту трагедию, я же напишу ее эпилог.

На экране выражение лица Шнайзеля оставалось абсолютно нейтральным. Затем он начал говорить, тщательно подбирая каждое слово.

— Как я уже говорил, я ничего не могу сделать или сказать, чтобы помешать тебе осуществить этот глупый план. Ясно, как день, что он уже приведен в движение. Поэтому, Лелуш, я предостерегу тебя: если ты спровоцируешь войну против Китайской Федерации, Родина не поддержит тебя. Наши ресурсы слишком привязаны к Европе, чтобы еще помочь тебе в борьбе

с другой мировой державой.

— Даже если в их руках наша сестра? — спросил Лелуш. — Даже после того, как они помогли и дали убежище мятежным силам, обладающими сверхъестественными способностями? Даже если ясно, что они не остановятся ни перед чем, чтобы получить то, чего хотят?

— Даже тогда. Жизнь Юфемии не идет ни в какое в сравнение с масштабами такого конфликта, и из того, что я слышал, твои усиленные меры по безопасности должны помочь сдержать сверхъестественные угрозы в будущем.

— Вот... как... — прошипел Лелуш. — Ты говоришь как человек, который слишком далек от действий! Тебе не нужно переживать о людях, тех, кто умирает и страдает, также как не нужно волноваться о вдовах и их детях. Все, что ты видишь, это все, что ты всегда получишь — цифры. Потому что цифры — единственный факт, который имеет значение на Родине? Или я ошибаюсь?

На это Шнайзель, похоже, не собирался давать ответ.

— Прощай, Лелуш. Пожалуйста, переживи это. Мне хотелось бы однажды снова сыграть с тобой в партию.

Связь оборвалась. Лелуш прошел через минное поле... нет... это было слишком просто. Как если бы Шнайзель вел его за руку. Предвкушая, чего он хочет, и заворачивая подарок для него в красивый тугой бант.

— Вы все слышали? — обратился Лелуш к своим офицерам, которые спокойно сидели за обзором камеры. — Родине плевать хотела на то, что с нами происходит! Им наплевать на принцессу Юфемию! Они готовы позволять Китайской Федерации безнаказанно нападать на нас через своих агентов!

— Может быть, Ваше Высочество, но что вы предлагаете? — спросил генерал. — Пойти против указа Родины? Они нас вздернут.

— С другой стороны, если подобные инциденты продолжатся, мы неизбежно потеряем контроль над этой Зоной, — заметил другой. Лелуш откинулся на спинку кресла, наблюдая со спокойной напряженностью и ожидая подходящего момента. — Нетрудно поверить, что сверхъестественные угрозы могут использовать нас в качестве испытательного полигона, прежде чем они предпримут аналогичные атаки в других местах.

— Так скажите мне, генералы! — внезапно заговорил Лелуш, прервав спор, пока тот не успел накалиться, своей извечной драматической вспышкой. Он протянул к ним руку, как бы призывая их схватиться за нее. — Что лучше: отступить и позволить злу здравствовать, или совершить меньшее зло, чтобы сдержать его?

Генералы замерли, чтобы посмотреть на него в новом потрясении из-за его внезапной вспышки, но Лелуш еще не закончил.

— Они говорят, что все зло должно здравствовать, а хорошим людям ничего не делать: я же говорю, что иногда необходимо совершить меньший акт зла, чтобы уничтожить больший! Если мы добьемся успеха, Родина будет выглядеть глупо, решит она осудить наш успех! Если мы потерпим неудачу, результат будет таким, как если бы мы вообще ничего не предприняли!

— Его Высочество прав! — взревел Джеремиа Готтвальд. — Хотя это оставляет горький привкус во рту, мы в самом деле одиноки в этом начинании! Лелуш, вы единственный, кто

может положить конец этому кошмару. Лелуш! Лелуш! Лелуш!

Понемногу разголосился целый хор. Он немного откинулся в кресле, делая вид, что впитывает все это.

— Лелуш! Лелуш! Лелуш!

На самом же деле, это было не далеко на ножей в его спине. Он ненавидел каждый слог. Они восхваляли его, как будто он был каким-то божеством, ходящим по земле, когда в действительности он использовал каждого из них.

— Лелуш! Лелуш! Лелуш!

Божество? Ох, даже не близко. К тому времени, как он покончит с этим миром, Лелуш вполне может стать нарицательным именем «Дьявола».

— Лелуш! Лелуш! Лелуш!

И внутри, очень глубоко внутри, в месте, которое он никогда полностью не поймет... это вызывало у него капельку боли.

— Лелуш! Лелуш! Лелуш!

====Шнайзель====

Связь закончилась, и Шнайзель едва шевельнул мускулом. Даже те, кто хорошо его знал, ошиблись бы, думая, что он расслаблен, спокоен. Лелуш... Брат, которого он любил и боялся больше всего. Как основательно Лелуш заслужил эти привязанности.

Его размышления оказались прерваны - чему, однако, он был только рад - его доверенным помощником Каноном.

— Ваше Высочество, простите меня за эти слова, но весьма вероятно, что Лелуш записывал этот разговор.

— Я разочаровался бы, окажись это не так, — буднично ответил Шнайзель. — Все-таки я приложил много усилий к этому выступлению, — он улыбнулся. — Думаю, даже Лелуш поверил, хотя это вряд ли важно, главное, чтобы он нашел хорошее применение этому.

Ох, ну и ну, Канон, как это не похоже на тебя? Обычно ты поспевал за намерениями Шнайзеля. Судя по выражению его глаз, сегодняшней день был исключением.

— Как вижу, ты немножко смущен, — спокойно заметил Шнайзель своим обычным дружелюбным тоном, который мог почти заставить его казаться приветливым даже нищему на улице. — Возможно, не ясен какой-то элемент во всем процессе. Ты ведь заметил анаграмму, не так ли?

— Со всей честностью, Ваше Высочество, словесные головоломки никогда не были моей сильной стороной. Я предпочитаю загадки межличностных отношений или тактический анализ. Приношу извинения за эту оплошность. Вы под анаграммой подразумеваете ту бессмысленную фразу, верно я понимаю?

— Упругие сусликовые короли, — повторил Шнайзель. — Какая восхитительная бессмысленная фраза. Такой детский способ передать сообщение, но опять же, подозреваю, он должен быть в отчаянии, раз уж пошел на такую хитрость.

Ах, но если он скажет Канону ответ, то останется совершенно неудовлетворенным. Ему будет полезно разобраться в этом самому.

— Ох, не стоит стыдиться, если не понимаешь. У всех нас есть свои сильные и слабые стороны. Даже у самого лучшего глаза в мире найдется слепое пятно.

С этими словами Шнайзель начал обдумывать, как лучше всего ввести Канона в курс дела. Это должно быть что-то, до чего он сам догадается. Ах, но как его подвести к этой в воде, чтобы он сам ее испил?

— Правильно ли я понял, что вы намерены позволить Лелушу напасть на Китайскую Федерацию? — спросил Канон. — Мне кажется маловероятным, что такая попытка будет успешной при наличии данного военного присутствия в Одиннадцатой Зоне. Даже с поддержкой сверхъестественного. На самом деле, учитывая огромную численность населения, пропорционально вероятно, что китайцы будут иметь в своем распоряжении пользователей Стендов или обладателей других сверхъестественных сил. Не найдется такого тактического сценария, в котором Лелуш смог бы одержать победу в этом столкновении. Но несмотря на это, он упорствует. Я не понимаю, почему.

Шнайзель откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

— Канон, я хотел бы провести мысленный эксперимент. Чисто гипотетический сценарий. Что, если... я похищу Наннали? Что, если я возьму ее в заложницы на условии, что Лелуш поможет мне взойти на трон?

Он приоткрыл один глаз, чтобы посмотреть на своего ошеломленного адъютанта.

— Разумеется, этот мысленный эксперимент не пойдет дальше этой комнаты, ни в реализации, ни в обсуждении. Надеюсь, это понятно?

— Д-да, я понял, — ответил Канон. — Начнем с того, что вы никогда на самом деле не навредите Наннали-...

— Но знает ли это Лелуш? — перебил Шнайзель.

— Нет, — признал Канон. — Будет логично предположить, что он подумает, что вы сделаете ей больно. Однако, если он действительно предположит это, то вряд ли он вычеркнет высокую вероятность того, что вы освободите ее, как только будете коронованы Императором. На самом деле, все как раз наоборот.

Хорошо, хорошо. Теперь он думал в правильном направлении. Давайте посмотрим, как далеко он может зайти в этом без посторонней помощи.

— На этом основании он почти наверняка продемонстрирует сотрудничество, в то время как на самом деле будет работать за кулисами, чтобы подорвать ваше влияние, — продолжил Канон.

Очень хорошо! Возможно, даже самому опытному представителю знати потребовалось бы по крайней мере несколько минут, чтобы подумать об этом, но, судя по тому, как твои глаза бегают по сторонам, ты уже на несколько шагов опережаешь рот. Такого умного помощника он

себе выбрал.

— Но это не может быть очевидным действием, потому как вы будете следить за ним. При сложившихся обстоятельствах он мог бы даже настолько отчаяться, что отбросил бы свою гордость и-...

Озарение догнало его. Это была та прекрасная вещь, которую приятно увидеть в ком-то. Тот идеальный момент осознания, когда все части пазла встали на свои места.

"А теперь, Канон. Теперь ты понимаешь, почему Лелуш делает то, что делает. Теперь ты понимаешь, почему я был готов прикрыть его."

Переформулировав головоломку с игры слов на межличностные связи, Шнайзель пролил свет на правду, стоящую за этой ситуацией, и все стало кристально ясно его довольно блестящему адъютанту. Другим потребовалось бы гораздо больше подсказок, чтобы придти к этому, но не Канону.

— Как думаешь, что это может быть? — спросил Шнайзель. — Чтобы гордый человек, блестящий человек сделал то, что сделал? Честно говоря, мне его жаль. Почувствовать такой уровень любви и сострадания, пожертвовать частью себя таким образом, — принц медленно покачал головой. — И все же отчаяние, которое он, должно быть, испытывает... насколько же он должно быть сокрушительным. Послать такое сообщение тому, у кого есть все основания считать это ловушкой — тому, кто может проигнорировать его, тому, кто может даже не получить сообщение в той форме, в которой оно было задумано. Оказаться загнанным в угол, не имея другого выхода, кроме как полностью довериться их способностям и состраданию.

— Я не могу представить боль глубже этой, — признался Шнайзель.

— Да, наверное, она должна быть всепоглощающей, — тихо ответил Канон. — Ваше Высочество, даже если это правда, это не меняет тактической реальности ситуации. Лелуш не сможет победить всю мощь Китайской Федерации.

— Нет, не сможет, — признался Шнайзель. — Вот почему мне так интересно узнать, что именно, по его мнению, он знает такого, что это может обернуть сложившуюся ситуацию в определенную победу.

Потому что, чем бы это ни было, как бы ситуация ни сложилась, Шнайзель был уверен в одном. В любом случае он сможет использовать это в своих интересах. Принц положил на колени чемоданчик и широко раскрыл его, затем внимательно рассмотрел доказательства, которые он уже собрал.

Заметки и теории мисс Эйнштейн. Странные действия его отца в последнее время. Восхищение Императора этими древними руинами, разбросанными по всему миру. Вся информация, которую они собрали на сегодняшний день о Стендах и Хамоне. Фотографии таинственного вампира, ДЖОДЖО...

И, конечно же, единственное вещественное доказательство, с которым ему удалось поэкспериментировать на сегодняшний день: невероятно старая каменная маска, которая имела самую странную реакцию на кровь.

— Мне интересно... — произнес он вслух. — Какие игроки используют эти игры в качестве своих фигур и с какой целью? Какие фракции участвуют в игре и как долго они играют?

На этот счет, он не имел ни малейшего представления. Но тем не менее, Шнайзель твердо намеревался найти себе место за этим столом. Если только так он сможет понять тех, кто конкурирует с такими высокими ставками. Хотя бы потому, что это вызывало у него интерес. Хотя бы потому, что загадка должна была быть разгадана.

====Тиба====

Тиба уставилась на зону хранения найтмэйеров, изогнув бровь, выражая тем самым свое полное замешательство. Внутри она могла видеть Ракшату и ее команду инженеров. Вся команда собралась вокруг стола с чашками кофе и лицами с таким выражением, как будто сама их жизнь зависела от решения особенно хитроумного кроссворда. В углу стоял Шинкиро, с открытыми панелями и подключенными к ним механизмами. Они были похожи на детей в Новый год, пробирающихся вниз к елке, чтобы незаметно развернуть подарки до наступления утра. Они устроили самую настоящую импровизированную лабораторию, чтобы им можно было изучить новый, сияющий найтмэйер.

Что же до Ракшаты, то индийская ученый расхаживала по комнате, попыхивая своей длинной коричневой трубкой из кукурузного початка и делая большие шаги по крутому кругу. Ее волосы были растрепаны, лоб покрыт испариной. Она либо слишком усердно работала, либо была чем-то очень напряжена. Возможно, все вместе.

— Здравствуйте, Ракшата, — дала о себе знать Тиба, и все они повернули головы в ее сторону, как будто только сейчас заметили ее присутствие. Она вошла внутрь, окинув помещение критическим взглядом. — Вы хорошо себя чувствуете? А то расхаживаете по комнате, как ожидающий отец.

— Ожидающей отец...? — пробормотала Ракшата. — Ну, я наверное, сейчас я больше похожа на бездельника-отца, встречающего ребенка, о существовании которого даже не подозревала.

Тиба непонимающе посмотрела на нее. Отношения инженера с ее проектами найтмэйеров были... тревожащими, мягко говоря. Тиба очень надеялась, что эта женщина никогда не задумается завести семью в один из таких дней, просто ради продолжения рода.

— Я работала над Шинкиро, — продолжила она, указывая мундштуком на машину. — Выглядело слишком интересно, чтобы упустить такой шанс изучить его.

— Шинкиро... — проговорила про себя Тиба. — Та машина, которую использовал Кирихара для боя с Лелушем?

— Та самая, — подтвердила Ракшата. На мгновение они вдвоем уставились на машину. Довольно неловко, на самом деле. Ракшата продолжала поглядывать на Тибу, словно ожидая, что она что-то скажет, но будь она проклята, если знала, что именно тут надо говорить. — Так... Тебя он не заставляет задуматься о ком-нибудь?

Тиба помотала головой. В данном случае она не имела в виду Кирихару, так как о нем уже говорилось. Может, она подразумевала полковника Тодо? На самом деле, если быть на чистоту, Тибе сейчас было очень трудно сосредоточиться на Шинкиро. Все в комнате молча наблюдали за ней, притворяясь, что не занимались этим. Это было ожидание, как будто они ждали, что она, наконец, разрешит головоломку с волшебным глазом, которую сами они давно решили.

— Ты не видишь? — спросила Ракшата. — По-моему, в этом есть что-то от эстетики Зеро, тебе так не кажется?

Ох! Теперь, когда она упомянула об этом, да, точно! Гладкая модель с острыми краями, темные цвета с желтой отделкой, служащей резким контрастом... ну да, конечно! Теперь, когда она знала, что ищет, Тиба кивнула этой мысли. Да, это вполне соответствовало эстетике Зеро, не так ли? Теперь, когда мысль оказалась раскрыта, она больше не могла больше, сколько бы ни пыталась, разглядеть ничего другого.

— Был ли он тогда первоначально сделан для Зеро...? — спросила она. И это ли ее так беспокоило?

— Возможно, — ответила Ракшата. — Давай-ка за мной. Теперь я хочу показать тебе его кабину.

Один из инженеров отошел в сторонку, чтобы нажать кнопку на командной консоли рядом, которая была подключена к машине. Кабина широко раскрылась, аки зияющая пасть. Внутри стояло кресло.

— Обычное кресло? — спросила Тиба. — Не вдохновленное мотоциклом сиденье?

Она нахмурилась и еще немного огляделась, пока Ракшата держалась позади. Глядя в отражении металла кабины, Тиба ясно видела, что на лице гениальной конструкторши все еще было выжидательное выражение.

— Мне тут интересно... Управление кажется немного примитивным. Эти панели открываются сбоку и—...

Она села в кресло и осторожно провела пальцами по кнопкам.

— Вот здесь? — спросила Тиба.

Ракшата кивнула. Тиба нажала на кнопку, и боковые панели открылись, перед ней явилась пара сенсорных экранов. Ей пришлось поднять руки вверх, чтобы дать им место. Быстрая оглядка... и она была полностью потеряна. Это было так, как если бы учитель перепутал их планы уроков и случайно раздал формулы расчетов за последний день в первый день урока алгебры.

— Что... это? — спросила Тиба. Сенсорные экраны были покрыты зелеными кнопками, каждая с различной символикой, которая, по сути, не имела никакого реального значения для Тибы.

— Управление полем абсолютной защиты, — ответила Ракшата в качестве объяснения. — Само поле образовано серией гексагональных энергетических проекций различной силы, положения и множества других переменных.

— А эти кнопки управляют этими переменными, — сказала Тиба. Да, теперь, с этим объяснением, это имело гораздо больше смысла. — Похоже, много хлопот посреди битвы. Даже с хорошей фактсферой нужно довольно быстро разбираться в математике, если хочешь эффективно этим пользоваться.

— Хо-хо! А ты схватываешь на лету!

Для Тибы это просто казалось очевидным. Но только потому, что к этому моменту она была

опытным пилотом найтмэйера. Пользовательские интерфейсы, принципы дизайна - все это для нее ничего не значило. Ее лишь заботило как управлять машиной, и из этой практики и тренировок у нее имелось очень четкое представление о том, что следует ожидать на поле боя.

— Использование такого количества элементов управления будет, мягко говоря, довольно непрактичным.

— Верно толкуешь, — сказала Ракшата, делая длинную затяжку из мундштука. — Скажи мне, Тиба... К какому типу бойца относится Зеро? Лично по твоему опыту?

К какому типу бойца...? Она нахмурилась.

— Она нападает с помощью Стенда, — сказала Тиба. — Я еще ни разу не видела, чтобы она сама пилотировала найтмэйер.

Ракшата кивнула, но это был больше кивок, предлагающий ей продолжить мысль, нежели кивок согласия.

— Если что-то она не может ударить, она будет стремиться схватить что-то, чем она сможет ударить это.

— Она хороша в математике?

Это заставило ее задуматься.

— Не особенно? Ни разу не видела, по крайней мере.

— И если бы тебе пришлось пилотировать этот найтмэйер и у тебя был бы Стенд, с какой стороны ты бы подошла к его управлению?

— Ну, я, наверное, сидела бы здесь и использовала свой Стенд, чтобы печатать на консоле. Это было бы быстрее, чем обычно, и при необходимости я могла бы дополнить руки Стенда своими собственными.

Ракшата снова кивнула, но на этот раз соглашаясь с ней.

— Да, так бы ты его использовала. Описанным тобой механизмом воспользовался бы такой пользователь Стенда, как Зеро, чтобы пилотировать такую машину с текущим дизайном. Однако... действительно ли это наиболее лучший дизайн, чтобы по-максимуму воспользоваться преимуществами Стенда?

Не дожидаясь ответа Тибы на этот раз, Ракшата немедленно пустилась в объяснения, расхаживая по кругу и останавливаясь только для того, чтобы затянуться мундштуком.

— Консоль слишком низко. Если опираться на слова Зеро, при использовании Стенда на такой высоте Зеро будет труднее увидеть своими глазами, что она делает. Было бы намного эффективно поставить консоль над абсолютной защитой в менее затруднительном месте.

Ох, это вроде логично, да? Она совсем забыла, что пользователи Стендов могут видеть через свои Стенды... Что определенно вызовет неудобства, учитывая расстояние между консолью и креслом.

— Расположение кнопок также прекрасно - для вундеркинда-математика, область, в которой Зеро никак не проявила себя. Она больше лежит к спорту, чем к хорошей голове с цифрами.

Теперь Ракшата перестала расхаживать и развернулась, чтобы посмотреть прямо на Тибу.

— Понимаешь теперь, какая у нас возникла проблема? Сможешь ли ответить, в чем заключается противоречие?

Оно прокралось в сознание Тибы, подобно леопарду, и ударило без предупреждения. Обычно стоическое выражение на ее лице сменилось полным замешательством, когда она оглядела машину, в которой сидела – настоящий парадокс стал для нее прозрачным и ужасным в одно мгновение.

— Не может быть... — сказала Тиба. — Но вы же сами сказали, что внешне он точно напоминает эстетику Зеро!

— Но внутренний дизайн я бы спроектировала полностью иным образом, — заключила Ракшата. — Это явное развитие Друидной Системы с акцентом на оборону и битву. За исключением того, что если бы мне пришлось соорудить такой найтмэйер для Зеро, консоль управления не выглядела бы подобным образом. Ни в коем разе.

Она остановилась, чтобы еще раз глубоко затянуться.

— Однако... именно так я ее спроектировала бы... если бы мне пришлось делать ее для Лелуша ви Британнии.

Лелуш ви Британния.... Да, Тиба легко могла понять, почему. Он был расчетлив и процикателен. Разум, схожий со стальным капканом. Такому хладнокровному человеку, как он, такой найтмэйер подстать, он был бы способен на ужасающе вещи с ним. Черт, он уже вытворял их с Гавейном! Тиба нажала кнопку, которая ранее вытащила сенсорные экраны, заставив их снова сложиться, а затем выбралась из кабины так быстро, как только могла, почти как будто она убежала от этой проклятой штуки.

— Так, и? — спросила Тиба. — Он не похож на Шэнь Ху? Где вы просто завершили дизайн?

— Нет, он не похож на Шэнь Ху, — сказала Ракшата. — На самом деле, я бы осмелилась сказать, что их оба породил один и тот же источник. Я определенно сделала и спроектировала их обоих. Принципы, которые лежат в основе их технологий... Чем больше я изучаю Шинкиро, тем очевиднее становится, что это мой ребенок.

Отец-бездельник. Именно так Ракшата описала себя ранее. Как она и говорила, отец, который не знал, что он был отцом, пока однажды ни с того ни с сего не повстречал ребенка, о существовании которого даже не знал. Удивительно.

— И что тогда это должно означать? — спросила Тиба. — Если у него явная эстетика Зеро, а пользовательский интерфейс опирается на принца...

— Тогда очень вероятно, что, когда этот найтмэйер был разработан, Лелуш очень тесно сотрудничал с Черными Рыцарями, — закончила за нее Ракшата. — Хотя сейчас это вряд ли кажется реалистичной возможностью, да? Что-то должно было кардинально измениться, чтобы это произошло в будущем. Интересно, что?

— Не знаю... — сказала Тиба. Ее глаза сосредоточенно прищурились. Все это выявило критическое несоответствие, которое может оказаться зацепкой. Кирихара пилотировал найтмэйер, что, вероятно, означало... — Но я могу знать, кто может.

Тиба вышла из помещения с решимостью в глазах. Ей пора серьезно поговорить с леди Кагуей.

====Кагуя====

— Так значит, это ты кроха Кагуя. Добро пожаловать в дом Куруруги, юная племянница. Твои родители послали тебя ко мне, чтобы ты научилась искусству политики. Пожалуйста, будь внимательна. Тебе предстоит многому научиться.

Представьте себе маленькую девочку, сидящую на стуле, слишком большом для нее, и смотрящую через стол в глаза Генбу Куруруги. Хотя он был ее дядей, она не чувствовала, что знает его достаточно хорошо. Мужчина возвышался перед ней, больше самой жизни. И он стал еще больше, когда встал.

— Существует два основных подхода, чтобы быть успешным политиком, — начал Генбу. — Быть свирепым волком, которому никто не осмелится бросить вызов. Или быть ядовитым цветком, убаюкивающим других ложным чувством безопасности, прежде чем ударить острыми шипами.

Она отпрянула от него. Она почти не сомневалась, что он был свирепым волком, оскаливающим когти и клыки. Который воет на луну. Она вдруг почувствовала, что ее могут съесть заживо, прямо здесь и сейчас!

Но, к ее удивлению, он нежно погладил ее по головке. Она подняла глаза и увидела теплую, искреннюю улыбку, сияющую ей сверху вниз.

— Все хорошо. Ты мне не враг, маленький цветочек, — он опустился на колени, чтобы посмотреть ей в лицо. — Судя по тому, что я слышал от твоих родителей, ты уже проявляешь признаки проницательности для своего возраста. И хотя я слишком хорошо играю роль волка, тебе, возможно, лучше всего подойдет роль ядовитой розы. Кажись блаженной. Улыбайся своим врагам, пока сама ты мягко и непринужденно оцениваешь их. Заставь их недооценивать твои способности, и как только придет время, ты обнажишь свои шипы.

— Эмм... но я не хочу быть жестокой к людям... — тихо воспротивилась Кагуя. Внезапно она поняла, что сказала это вслух, и потому застыла. Однако, Генбу только похлопал ее по плечу.

— Все в порядке, — сказал он. — Держись за эту невинность как можно дольше. Я уже вижу в будущем, что Япония станет очень важным местом на мировой арене. Кагуя, для тебя важно научиться читать намерения человека. Как предсказать их следующий вероятный шаг, чтобы можно было соответствующим образом скорректировать свои планы. Если ты сможешь научиться этому, то ты и мой сын Сузаку будете среди тех, кто приведет Японию в светлый и золотой век.

Через год после этого разговора Британния устроила вторжение. Генбу умер при загадочных обстоятельствах, официально признанных самоубийством перед лицом вторжения. Для Кагуи это не имело смысла. Это не соответствовало его характеру. Нисколько. Ни капельки. Она приняла его уроки близко к сердцу и применила их для параллельной цели.

Она помогла организовать японское сопротивление. Она признала полезность таких людей, как Зеро, и таких организаций, как Черные Рыцари. Она была первой, кто потребовала финансово поддержать, построить их и использовать как средство отвоевать их нацию у тиранов, что стояли над ними, топтали японцев, подобно цветам в саду.

Но потом, в ее голову поместили росток из плоти. В этот момент прелестный цветок стал смертельно ядовитым. Ее худшие инстинкты вынырнули на поверхность ее мыслей, но продолжали удерживаться ради слабого показного фасада. Кагуя Сумераги наконец-то могла перестать прятаться и по-настоящему проявить себя в той области, в которой она всегда преуспевала.

Анализ. Никогда не спешите без базового структурного анализа ситуации. Местом сражения была удивительно просторная корабельная каюта. В этой каюте находилась принцесса Юфемия ли Британния, она не представляла угрозы. Также в этой каюте находилась Каллен Кодзуки, обладательница Стенда [Jumpin' Jack Flash], Стенда, основанного на скорости, который также мог временно ослепить неосторожных врагов.

Учитывая, что эти двое были противницами, стоит ли удивляться, что она начала с того, что прижала руку Каллен к столу? Фея позади Кагуи проверила, надежно ли заперт засов на двери, а затем переместилась вдоль стен в более стратегическую позицию. Не стоит мешать им в такой важный момент, ага?

— Как оно? — спросила Кагуя. — Каллен, разве ты не согласишься со мной? Множество битв Стендов выигрываются до их начала, верно?

— Кагуя, тебе не нужно делать это! — зарычала Каллен на нее. Зарычала, как зверь в клетке. Что ж, такое отношение было слишком легко понять. Да, если бы половина руки Кагуи была расплющена и прижата к столу, она бы тоже не знала, что делать!

— Не нужно делать что? — спросила Кагуя. — Ох! Ты, должно быть, имеешь в виду ту часть, где я удаляю все следы свободной воли и превращаю тебя в нашего раба? — фыркнула она. — Нет, это же глупо. У тебя ведь изначально нет никакой свободы воли. Ты просто еще одна пешка Лелуша, и ты слишком глупа, чтобы понять это.

Прежде чем они успели что-то сказать, Кагуя мило крутанулась на месте и улыбнулась им.

— Ох, как же приятно! Наконец-то я могу сказать то, о чем думала все это время! Больше не надо прятаться за фальшивыми улыбками, могу сразу перейти к тому, что на самом деле хотела все это время сказать!

— Леди Кагуя! У меня сложилось впечатление, что вы с Каллен на одной стороне! — запротестовала Юфемия. — Если вас волнует мое присутствие, то это потому, что я здесь в качестве вашей пленницы. Нет никакой необходимости драться.

— Она тебя не слушает, — предупредила Каллен. — Ставлю на то, что у тебя в башке сидит один из этих ростков из плоти, так ведь? Он контролирует твои мысли так же, как ты пыталась взять под контроль мои.

— И что если это так? — пожала плечами Кагуя. — Через мгновение никому из вас не будет до этого дела. Пытаться отговорить меня совершенно бессмысленно, хотя все равно будет забавно увидеть, как вы потерпите неудачу.

— Тогда... — замолчала Юфемия. Она тут же двинулась к стулу и швырнула его в стену. — Мы посмотрим, что произойдет, когда другие Черные Рыцари увидят, что здесь происходит!

— Точняк, — хмыкнул Каллен. — Когда я расскажу им, что здесь произошло, они посадят тебя под замок для допроса!

Она схватила картину на стене рядом с собой и бросила ее прямо в Кагую. Девочка довольно легко увернулась от нее и закатила глаза. Немного жаль за потраченное впустую искусство, но увы и ах.

— Ой, умоляю вас! — засмеялась Кагуя. — Вы что, забыли, как шумном этом корабле? Никто не услышит вашего грохота, если только они не будут прямо за дверь. Но, пожалуйста, продолжайте пытаться. Это даст мне столько времени, сколько нужно, чтобы организовать ваше убийство.

Не принимая плачевность ситуации, Каллен схватила свободной рукой стул рядом со столом и развернула его с явным намерением швырнуть в Кагую. Итак, что там за слово любил употреблять его высочество?

— Бесполезно, — улыбнулась Кагуя, намеренно и насмешливо цитируя Лелуша.

В середине замаха стулом его металлическая ножка, за которую ухватилась Каллен, прогнулась и согнулась под совершенно неестественным углом. Стул выскользнул из ее рук и с грохотом пронесся по комнате, едва не задев ее великое королевское высочество. Ах, какая досада, а ведь это было бы так поэтично.

Юфемия попятилась от сломанного и помятого стула.

— Каллен, либо ты сильнее, чем кажешься, либо...

— Она сломалась, потому что была тонка, как бумага, нет, даже тоньше ее! — перебила Кагуя. — Ножка не смогла выдержать сдвиг веса и импульса. Кстати, Каллен, то же самое произойдет и с твоей рукой, если ты попытаешься поднять ее со стола. Сплюснутая часть полностью сломается из-за веса и твоя ручка разобьется пополам! Так что будь осторожна в своих движениях, ага?

Она улыбнулась им. Каллен с гневом посмотрела в ответ. Не то чтобы это имело значение. Она оказалась в ловушке, и рука ее Стенда также была прижата к столу из-за сочувствующей природы Стендов и их обладателей.

— Так, на чем я остановилась, — сказала Кагуя, подбрасывая и ловя росток из плоти в раскрытую ладонь. — Ах, да. Порабощение Каллен и убийство Юфемии.

Когда вы загоняете крысу в угол, независимо от того, насколько труслива эта крыса обычно, она выйдет из этого угла, дерясь. И причина для этого проста. В этот момент она понимает, что у нее есть один и только один шанс выжить: выйти на бой. То же самое относилось и к избалованным принцессам, похожим на трусливых крыс.

Вот почему Кагуя нисколько не удивилась, когда Юфемия внезапно рванулась вперед с вызывающим криком «Немедленно прекрати все это!». Ее скорость действительно немного шокировала, но между ними было слишком много земли, по которой нужно пробежать, да и к тому же Кагуя уже остерегалась этого. Она держала пистолет наготове и прицелилась еще до того, как Юфемия преодолела половину расстояния. Выражение лица дерзкой принцессы было поистине бесценным, оно явно стоило того, чтобы притвориться миленькой дружелюбной девочкой. Но еще более бесценным будет выражение ее лица, когда бы пуля попадет ей в живот! Кагуя нажала на курок с наслаждением и предвкушением, ее терзало любопытство, что же это будет за лицо!

— [Jumpin' Jack Flash]

Пружинистая рука ударила, а потом ничего не было. Она вообще ничего не видела! Стенд Каллен ослепил ее на пять секунд, но этих пяти секунд было более чем достаточно, чтобы гарантировать ее победу.

Ее зрение прояснилось. Юфемия все еще стояла на ногах, но ее порыв был остановлен.

— Я надеялась увидеть, какое у тебя будет лицо, когда ты поймаешь пулю, — призналась Кагуя. — Однако это бледное личико тоже неплохое! Ну и, каково это, когда часть твоей ноги прижата к полу, ты, безвольная девка?!

Какое это было чудесное зрелище! Смятение, отвращение, страх. Ах, кто бы не испугался в такой ситуации? Одна из ее фей придавила одну из ног Юфемии, расплющив ее часть об пол. Это выглядело совершенно неестественно, почти как что-то из мультика. И все же, когда вы берете что-то из дешевого мультика и применяете это к реальной жизни, это что-то становится намного более ужасным и гораздо менее забавным.

Ну... менее забавным для нормальных людей. Это только показывает, насколько испорченным стал ум Кагуи под влиянием Верховных евнухов, так как она находила состояние ноги Юфемии смехотворным!

— С-спасибо, что отбила пулю, — сказала Юфемия, не отрывая глаз от своей ноги. Каллен хмыкнула в ответ. — Обычно я против насилия, но, похоже, она находится под каким-то злым влиянием, — в этот момент принцесса повернула голову к Каллен и уже собиралась спросить: — Разве ты не можешь использовать свой Стенд, чтобы-...

Ответ лежал перед ней, и разве ее высочество не была полна забавных лиц? Впасть в отчаяние, в самую малость отчаяния, которое пришлось пережить каждому японцу за последние семь с половиной лет.

— Похоже, предательство Каллен хуже, чем мы думали, — цыкнула Кагуя, погрозив пальчиком. — Она изо всех сил старается защитить британскую принцессу перед лицом врага со Стендом. Тц-тц! Тем не менее! Теперь мне вообще не придется волноваться о быстрой скорости реакции. Я могу атаковать по желанию, в то время как обе твои руки прижаты моими феями!

Ибо все так и было! Обе руки Каллен теперь были полностью прижаты. Ее Стенд висел в воздухе, пока его руки бесполезно сплющены. Теперь он не может двигаться!

— И все же, ты смотришь на меня с молчаливым неповиновением, — продолжила Кагуя. — Этот взгляд праведного, яростного неповиновения... который должен быть направлен только на британцев, такого как этот надменный розововолосый демон, что стоит рядом с тобой! Теперь пришло время мне закончить с тобой!

Использовать ростков из плоти в такой момент будет совершенно бессмысленным. Теперь, когда Каллен знала, что они у нее есть, отправка феи для имплантации одного из них, скорее всего, не работает. Она собьет их ногами своего Стенда, или яростно потрясет головой, или сделает еще что-то, о чем Кагуя не подумала. Исходя из этого, ей оставалось сделать только одно.

Ее четвертая фея двинулась по полу и быстро настигла ноги Каллен. После она поднялась вверх, не переставая хихикать всю дорогу. Каллен попыталась сопротивляться, но она не могла рисковать слишком сильно из-за страха, что может случиться с ее рукой. Это было похоже на попытку открыть ржавый чемодан: вы предпочтете не использовать всю силу, боясь

что-то сломать. В любом случае, неважно. Фея поднималась все выше и выше по ее телу, затем, достигнув своей роковой цели, она оставила что-то на лице Каллен.

Скотч! Над ее носом и ртом! Да, верно: тот же трюк, который использовался так давно для победы над Вэстом, сработает и здесь. Величайшая уязвимость всех живых, но также и их величайшая потенциальная сила против нежити – дыхание!

— Ннннгх! — застонала Каллен, когда ее так бесцеремонно отрезали в кислороде. — Ннннгх!

— К-Каллен! — ахнула Юфемия.

Искренняя забота о полукровке? Боже, боже! Принцесса повернулась всем телом, насколько могла, и протянула руку, пытаясь просунуть ногти под скотч.

— Какое трогательное проявление сотрудничества, — сказала Кагуя. — Но тщетное. Этот [Nice Sprite] намеренно движется, чтобы расплющить края скотча вокруг кожи Каллена. Даже если бы ее руки были свободны, она не смогла бы его снять. Теперь тебе остается только вырубиться. Это сделает все намного проще для всех.

Опять все тот же непокорный взгляд? Неужели она еще не поняла, насколько безнадежно ее положение? Что вообще она может теперь? Ладно... Это произойдет быстро. Чем больше Каллен дергалась, тем быстрее она теряла сознание.

— Лиши человека кислорода, и в течение трех минут он потеряет сознание, — поддразнивала Кагуя. — Если же после этого кислородное голодание продолжится, клетки мозга начнут повреждаться. О божечки, о божечки... Если такое случится, то клетки твоего мозга нужно будет заменить, — она сунула руку в карман и вытащила стеклянный флакон с извивающимся вампирским ростком из плоти. — К счастью для тебя, у меня припасено кое-что.

====Логгинс====

Глубоко в сердце Китая, скрытая в глубокой долине, далеко-далеко от всех следов Цивилизации, была тюрьма. В течение последних пяти лет здоровый на вид мужчина средних лет был заключен там в тюремную камеру. Целыми днями он медитировал на холодном металлическом полу. Не то чтобы у него был большой выбор в этом вопросе. Побег был совершенно невозможен, и если и было что-то, что мастер Хамона на его уровне знал хорошо, так это терпение перед лицом невозможного.

— А вот и еретик Логгинс, — провозгласил надменный голос.

Несмотря на то, что его коллеги считали его мастером сдержанности так же, как и Хамона, Логгинс почувствовал, как в нем поднимается желчь. Он не мог сосредоточиться в присутствии такого зла.

— Ваш могущественный маленький культ дыхания больше не кажется теперь таким влиятельным, а?

— Когда людей кормят диетой из лжи и обмана, какой может быть другой исход, кроме отчаяния и загнивания? — тихо спросил Логгинс. — Какой Евнух говорит сегодня?

— Боже ж ты мой, Ваше Величество, пожалуйста, отверните уши! Этот негодяй, похоже, не знает своего места и пытается командовать теми, кто выше его.

Как только он понял, что было сказано, Логгинс вскочил и заглянул в крошечное окошко в металлической двери своей тюрьмы. Он подавился в полном неверии: действительно, вот она! Ее Величество, тринадцатилетняя Императрица Тянь Цзы! Она сидела на переносимой платформе, которую с обеих сторон поддерживали двое прислуг. Императрица смотрела в пол, прижимая что-то к груди, что привлекло внимание Логгинса: это было цветное стекло с чем-то внутри. Что-то двигалось там внутри, дергалось и меняло свою форму.

— Ваше Величество! — услышал он крик из соседней камеры. — Не слушайте их лжи! Мы не еретики! Мы не поклоняемся солнцу, мы просто практикуем уникальную форму боевого искусства!

— Замолкни! — крикнул Логгинс своему товарищу. — Взгляни повнимательней сегодня на Евнуха вместе с Ее Величеством. Много воды утекло, Хуан Цянь. Так это ты предал нас? Я всегда чувствовал что-то гнилое в твоей душонке, мне следовало прогнать тебя, а не пытаться исправить твои мысли, — мастер Хамона печально покачал головой. — В чем больше вины? В твоих амбициях или моей гордости?

— О, в самом деле, мастер Логгинс? — сказал крупный мужчина, прикрыв рот рукой, как будто сдерживая искренний смех. — Я бы сказал, что повинна здесь больше эта мелодрама. А теперь, может быть, кто-нибудь из вас будет хорошим мальчиком и скажет нам, где найти остальные тренировочные площадки? Первый из вас, кто запоет, получит шанс на свободу: возможно, вы даже сможете вовремя предупредить их. Ку-ку-ку!

Его встретили молчанием. Для Логгинса это не было неожиданностью: Хуан Цянь был его неудачным учеником, но другие держали свою преданность верной. Ни один из них не пикнул бы. Даже под страхом смерти. Хотя его и тревожило, зачем Ее Величество привели сюда? К чему это? Настояла ли это она на том, чтобы приехать? Тогда почему держит голову опущенной? И что за предмет она держала, почему она так крепко прижимала его к себе? Все это было лишено всякого смысла—

Затем внезапно погас свет. Дверь перед Логгинсом широко распахнулась. У него отвисла челюсть от шока, электронная система, которую они использовали для управления дверями, вышла из строя! Это казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой, но вот их шанс сбежать!

— Хватайте предательскую свинью! — услышал он, как закричал один из учеников, и Логгинс почти последовал примеру юноши... Пока он не вспомнил, что вещи, которые кажутся слишком хорошими, чтобы быть правдой, довольно часто скрывают что-то ужасное в своей природе. Поэтому он заколебался, а затем увидел, как Императрица напряглась в своем кресле и полностью сомкнула глаза, одновременно задерживая дыхание.

Прошла одна секунда. В следующее мгновение раздались крики. Ужасные крики боли, не похожие ни на какие, которые Логгинс когда-либо слышал раньше. Это, должно быть, самая страшная агония, какую только можно вообразить его ученикам в камерах снаружи. Станный и ужасный запах ударил ему в нос, вызвав рвотный рефлекс, но так же быстро, как и появился, он исчез.

Он выглянул через дверь камеры наружу. От его учеников не осталось и следа. Ни крови, ни внутренностей. Их просто... не стало. Исчезли из этого мира. Они либо умерли в своих камерах, либо же...

— Вы специально сделали это, — заметил Логгинс. — Вы вызвали сбой электронной системы, чтобы убить их всех, особенно таким мучительным способом.

Его бывший ученик, а ныне Верховный евнух, стоял совершенно неподвижно. Если бы его спокойствие не предало правду, это за него сделал бы жестокий изгиб его губ.

— О божечки, как это ужасно грустно. Видеть, как некогда мудрый человек поддается параноидальному бреду. Ваше Величество, думается мне, мы можем официально помиловать этого беднягу, как вы считаете?

Юная Императрица держала глаза закрытыми и кивнула в манере, не совсем похожей на марионетку. Логгинс почувствовал, как в животе разгорается огонь. Снаружи его камеры ждала какая-то ловушка, что-то невидимое, смертельное и мучительное. Но что это могло быть? Он оглянулся на свою камеру. Все внутри было сделано из чего-то, что сопротивлялось Хамону. Стены, потолок, пол, даже поднос с едой... Но у него все еще был поднос с едой, которым можно было воспользоваться.

Логгинс выбросил поднос через дверь камеры. Не как оружие, а как канарейку: шахтеры обычно носили клетки с канарейками на случай тревоги, если воздух становился токсичным. Если канарейка умирала, шахтерам нужно было уходить ради собственной безопасности. Отправив поднос с едой первым, Логгинс собирался определить характер угрозы, ожидавшей его за пределами камеры—

И истинный характер этой угрозы оставил даже этого опытного мастера боевого искусства Хамона совершенно в ужасе. Судьба, постигшая его учеников, была за пределами его худших кошмаров. Более жестокую и страшную смерть он с трудом мог себе даже вообразить.

— Какую игру ты затеял? — спросил Логгинс. — Это чудовищно! Ты пришел вот так убить нас? Почему просто не застрелить? К чему все это?

— Все, как ты и сказал, — спокойно ответил Хуан.

Отвратительно! Это зловещее, испорченное намерение, что исходило от него. Хуан открыл свой рот и Логгинс почувствовал себя еще хуже, чем раньше. Клыки. Ситуация оказалась в разы ужаснее, чем он думал.

— Это игра. Детская игра, и ничего больше. Ты правда думаешь, что можешь победить, мой бывший мастер?

Логгинс оглядел комнату за пределами своей камеры. Должен же быть какой-то способ, что-то, что он мог бы использовать, чтобы... Там! У стены, на полпути к двери, стоял стол с бумагами и вазой. Он был уверен, что если сумеет пройти через эту дверь, то сможет уйти сбежать.. Но с другой стороны, Евнух мог просто пристрелить его, когда он окажется уязвим. Это будет прыжок, которым гордились бы многие спортсмены, но для человека, обученного искусству Хамона, чье дыхание было сильным, это вообще не было проблемой! Логгинс плюнул себе на руки, отступил назад, выбежал и прыгнул так, словно от этого зависела его жизнь.

Верный этим мыслям, Логгинс летел по воздуху. Это было похоже на езду на велосипеде. Хотя он не мог тренироваться в полной мере, его медитация и отработанное дыхание позволили ему вернуться к этому с относительной легкостью. Он идеально приземлился на стол, опрокинув вазу, а затем, к его ужасу, ножки стола подкосились под ним.

— Такая хорошая попытка, — рассмеялся Хуан в рукав. — Однако, похоже, какой-то шутник

подрезал ножки стола.

Но Логгинс еще не закончил! Он хлопнул ладонями по стене и направил Хамон через них, через слюну, которой он покрыл свои руки. Это не продлится долго, но все равно достаточно долго, чтобы он добрался до этой двери!

— Неплохая попытка, — признался Логгинс, ползая вдоль стен. — Вот только стол в таком месте был слишком подозрительным. Он не служил какой-либо очевидной цели, и, следовательно, это должно было быть ловушкой.

— Верно, — отметил Хуан. — Но тебе не интересно, зачем на нем стояла ваза?

Ваза? Нет, эта мысль не приходила Логгинсу в голову – пока он внезапно не почувствовал, что его тошнит от запаха, который оказался невероятно хуже того, что он чувствовал раньше. Что это такое?!

— Видишь ли, в вазе было запечатанное отделение, полное серы, — продолжил Хуан. — Ой-ей. И ты не можешь нормально дышать в таком состоянии, да? Охо-хо-хо!

Это было правдой. Запах был настолько сильным и всепоглощающим, что продолжал вызывать рвотный рефлекс, мешая его дыханию. Логгинс понял, что сейчас умрет, ужасной и бессмысленной смертью. И все же, несмотря на это, он не испытывал к себе жалости. Единственная жалость, которую он испытывал, была направлена к этой юной Императрице, вынужденной стать свидетелем этого случайного акта жестокости – нет, скорее, вынужденной участвовать в этом случайном акте жестокости.

В свое время Логгинс убил много нежити. От его рук и ног пали сотни вампиров и зомби. И все же, ни один из них, ни один из них не вызывал у него такого ошеломляющего чувства зла, как паразит перед ним. Мстительный. Жестокий. Совершенно злобный. Тем не менее, в последние мгновения перед тем, как ужасная кричащая смерть забрала его, Логгинс знал одно наверняка:

Верховные евнухи встретят свой конец без каких-либо следов удовлетворения. Их погубят их же собственные махинации. Да, он видел это так ясно в тот день, когда Хуан, наконец, покинул их тренировочные площадки.

— Мастер, вы многому меня научили, — сказал маленький ученик. — Благодаря вам я стал лучшим человеком, чем был когда-то, и чувствую себя я более способным найти свой путь в жизни.

Логгинс пристально посмотрел на него, все еще не уверенный в этом человеке. Он не был легким учеником. Он был самоуверенным, высокомерным и демонстрировал сильные манипулятивные наклонности. Быть может, сам Логгинс был высокомерен, думая, что сможет изменить его к лучшему.

— Хотя я должен попросить вас об одном последнем уроке: мастер Логгинс, пожалуйста, расскажите мне, как я встречу свой конец. С этим знанием за спиной я могу смотреть в будущее без оглядки.

Мастер Хамона сразу же разгадал его намерения. Это не было попыткой самоутверждения или дальнейшего улучшения себя. Это была стратегия. Большинство людей не знают момента смерти, пока та не настанет. Окажись то же самое знание в неправильных руках, такие люди

могут попытаться использовать это в собственных интересах, рисковать там, где другие побоятся, из понимания того, что это не будет их концом. Станным образом он спрашивал о своей смерти из трусости, а не из храбрости.

Но несмотря на все это, Логгинс протянул руки вперед, чтобы обнять ученика за плечи. С помощью этой силы можно было увидеть только конец жизни человека, а не маршрут, по которому он туда добирался. Формы. Изображения. Слова, которые сейчас могут ничего не значить, но позже будут значить все.

— Ты сам приложишь руку к своей гибели и погибнешь, стоя рядом со своими товарищами. Это произойдет, когда дьявол под другим именем будет движим честностью, чтобы разрушить собственные цепи. Взмахом его руки вы все встретите свой конец.

Не имея ничего другого, он мог, по крайней мере, найти утешение в чем-то одном в эти последние мгновения. В конце зло всегда поглощает само себя.

====Юфемия====

Бесполезно. Она чувствовала себя совершенно бесполезной. Это не было новым чувством для Юфемии. Она уже много лет искала цель, единственную область, в которой могла бы преуспеть. Кловис умел рисовать. Корнелия умела командовать. Шнайзель был превосходным политиком.

Так в чем же тогда была хороша она? Она не была умна. Ей не нравилось быть царственной, иногда казалось, что она родилась не в той семье с самого начала. Всю свою жизнь она была младшей сестрой Корнелии, Юфи, и это было всем, чем она была.

Именно в этот момент она почувствовала, что тень нависла над ней гораздо острее, чем обычно. Она не соглашалась с Каллен, но было ясно, что она хороший человек. Не было никакой реальной причины, по которой она должна была отражать эту пулю своим Стендом, и все же она отразила. Теперь ее руки были прижаты, а нос и рот заклеены полосками скотча. Скотча, что не давал ей даже вдохнуть. По-видимому, ее Стенд тоже была придавлен той же силой.

Ах, должно же быть что-то, что она могла бы сделать! Но пока нога Юфемии была прижата, она была так же беспомощна, как и Каллен. Может быть, даже хуже. Она могла видеть, как... что-то шевелится по поверхностям, по которым двигался [Nice Sprite], просто крошечное мерцание. Но не более того. Она понятия не имела, где они и сколько их. Это была битва Стендов. И Юфемия жаждала положить ей конец, но на что она вообще могла надеяться?

"Ку-ку-ку... Если хочешь, я могу прирезать ее для тебя... Кровавая принцесса".

Юфемия тут же поднесла руку к лицу. Пустота! На мгновение она почувствовала тяжесть изогнутого меча, лежащего в ее руке. Но, нет! [Anubis] был уничтожен!

"Нельзя уничтожить бога смерти. Небольшое неудобство, не более."

Нет! Его больше не было. Лелуш победил его, так сказал ей Сузаку после случившегося.

"И когда я вернусь, я буду сильнее, чем когда-либо!"

Андреас... Альфред... Все эти аристократы! Юфемия была на грани гипервентиляции. Она должна была вырваться из этого, найти какой-то способ помочь Каллен... Но как?

— Ммф! — простонала Каллен. Она указала на пол, опустив глаза. Юфемия проследила за ее взглядом и сразу поняла, что она имела в виду. Каллен едва заметно кивнула и начала осторожно менять свое положение.

— У вас очень интересная сила, леди Кагуя, — громко сказала Юфемия. — Его наступательные способности не так очевидны, как у других Стендов. Он не такой бьющий, как у Зеро, и у него нет меча, как у Кусакабэ. Но он все еще довольно универсален.

— Как необычно! Британнская принцесса одаривает искренним комплиментом, — Кагуя присела в реверансе. — Для моих ушей это звучит так же сладко, как лимон месячной давности. Вам лучше придерживаться язвительных упреков, это будет звучать более естественно.

— Я совершенно серьезна, — настаивала Юфемия. Она пошевелила пальцами в туфле. — Расплюшив вот так ноги врага, можно удерживать его на расстоянии от вас. Таким образом, вы можете полностью зафиксировать движение противника, оставаясь при этом свободной для перемещения.

— Человек идет на войну с имеющимся у него оружием, — ответила Кагуя. — Когда у твоего врага превосходящая огневая мощь, то учишься творчески использовать те небольшие ресурсы, которые доступны.

— Верно, — кивнула Юфемия. — Вот почему вы сделали мою ногу плоской - или, точнее, сделали ее часть двумерной. Тот факт, что я все еще могу чувствовать и двигать пальцами ног, показывает, что моя нога не просто сплющена, а, скорее, у нее отняли измерение.

— Пф-ф, большое дело! — повела плечом Кагуя. — Это не имеет значения. Как только Каллен потеряет сознание, ее Стенд не сможет защитить тебя от следующей пули. Когда это произойдет, ты будешь не лучше трупа, и такого рода наблюдение тебе нисколько не поможет.

Если Кагуя намеревалась запугать Юфемию, то ее попытка полностью провалилась. Вместо того, чтобы отшатнуться в страхе, принцесса стояла твердо и быстро, сохраняя смелое лицо, несмотря на ужасность ситуации.

— Поможет, — сказала Юфемия. — Так как ваш Стенд работает на основе двух измерений, это делает одну вещь очень очевидной. Даже такой человек, как я, который не может видеть Стенды, может видеть это.

В этот момент Каллен сделала свой ход. Она вскинула ноги, пнув теннисный мячик, который Кагуя использовала в самом начале, чтобы уронить ее! На мгновение показалось, что тот завис прямо перед лицом Юфемии. В то время как другие получили бы удовлетворение, когда в глазах Кагуи промелькнуло внезапное понимание, Юфемия испытывала лишь жалость.

— Он не может коснуться объекта, если этот объект не соприкасается с другой поверхностью.

Невидимая сила ударила по мячику, и ударила сильно. Зрение Юфемии на мгновение полностью потемнело, всего на пять секунд. Оно сделало свою работу? Сработала ли атака Каллен? Что они сделают, если это произошло?

"Убить ее. Она явная угроза. Будет так легко, пока она в отключке..."

— Весело-то как, — раздался голос Кагуя, когда тьма рассеялась. — Вы серьезно, правда верили, что я не подумала об этом?

Юфемия моргнула. Нет! Неужели Каллен промахнулась? Мячик-... куда делся мячик? Юфемия огляделась, и тут ее лицо побледнело. Он подпрыгивал у ног Кагуи. Но проблема была не в этом. Проблема была в том... что рядом с ним подпрыгивал второй мячик! Но почему там был второй мячик?! Откуда он взялся? Откуда он—

Ну конечно. Было только одно место, откуда он мог появиться. Глаза Юфемии метнулись к потолку, и, конечно же, если она сосредоточится, то сможет увидеть... как там что-то движется. Оно было расплывчатым, как крошечный бит чего-то, скользящего по поверхности, но он был там. Фея, которая бросила мячик на пути другого мячика и отбила его!

— Но выбор времени... — в шоке ахнула Юфемия. — Ты не могла видеть приближение атаки, и оно не сработало бы так быстро! Как у тебя вообще получилось его отбить?!

— Позволь-ка мне дать тебе совет, ваше высочество, — Кагуя постучала себя по макушке. Это был насмешливый жест, жестокий даже сквозь неподвижную улыбку, приклеенную к ее лицу. — Мир пользователей Стендов действительно ужасен, и подготовка сопротивления Британнской Империи была поистине превосходной тренировкой!

Внезапно Каллен издала очень тревожный звук. Ее глаза закатились назад. Она отчаянно боролась, изо всех сил стараясь не потерять сознание - и в конце концов потерпела неудачу, упав лицом на пол.

— Каллен!

— А-ах! Ты задала мне вопрос! Невежливо перебивать кого-то, когда он отвечает на твой вопрос! — пригрозила Кагуя. — Чтобы скрыть наши финансовые дела от Британии и организовать наши усилия по сопротивлению... это требовало отваги. Это требовало убежденности. Для этого требовались ум и хитрость. Вот, что важно в этом мире. Мир битв Стендов выигрывается и проигрывается благодаря этим чертам. Те, у кого хватит отваги, подготовки и ума, чтобы добиться успеха, добиваются его. Независимо от того, какой силой они обладают.

Эта ситуация была до ужаса напряженной. Каллен потеряла сознание. Их последняя возможность напасть: провалилась. И теперь Кагуя забирала теннисные мячики, чтобы вернуть их к потолку, на случай, если сама Юфемия предпримет еще одну атаку снарядом. Это чувство беспомощности, оно было удушающим и всепоглощающим.

— Я подожду еще минутку, а потом помещу ей в голову росток из плоти, — объявила Кагуя. — Охо-хо! Из нее выйдет такой суперский раб, прямо как из тебя - суперский

труп.

Должно быть что-то, что она могла бы сделать. Тянуть время? Нет, если она что-то и сделает, это должно немедленно снять скотч с носа и рта Каллен. Чем дольше это продолжалось, тем хуже становилось необратимое повреждение мозга. Даже британской науке не по силам устранить такого рода урон.

Это также означало, что переговоры закончились. Она могла сделать только одно: поднять

ногу. Пусть она будет разорвана пополам из-за разницы в весе, а потом она оторвет скотч! Нет... ее Стенд помешает этому. Вместо этого она должна прижать Кагую к двери и надеяться, что это вырубит ее. Пара теннисных мячей не сможет остановить ее, если она нырнет, и даже если пуля пробьет ей сердце, это не остановит ее, если она придаст броску достаточный импульс.

Ах, но, несмотря на это героическое мышление, в голове Юфемии была еще одна мысль. Мысль, которая говорила только об этом: «Кагую заставляют делать это против ее воли. Я надеюсь, я очень и искренне надеюсь, что это не навредит ей слишком сильно». Потому что именно таким человеком она была. Даже перед лицом врага, который ненавидел ее и желал ей смерти, Юфемия ли Британния была переполнена состраданием с головы до ног!

Она немного откинулась назад, насколько осмелилась. Ей нужно будет вложить в это много сил, прежде чем она сможет добраться до Кагуи. И ей придется действовать до того, как Кагуя нажмет на курок—

Кто-то постучал в дверь.

— Эй, Каллен! Ты там?

Облегчение нахлынуло на нее, и Кагуя повернулась, чтобы хмуро посмотреть на дверь. Вот оно! Это был лучший способ быстро разрешить эту ситуацию!

— Да! Она здесь! — позвала Юфемия. — Умоляю, помогите нам! На нас напала-...

— А?! — раздался голос по ту сторону двери. — Стойте, этот голос... Это Юфемия?!

— Да, это она! — ответила Кагуя. — Быстрее, выломайте дверь! Юфемия напала на нас своим Стендом. Бедняжка Каллен уже потеряла сознание. Прошу, помогите нам!

— Н-нет! Кагуя-... — начала Юфемия, но остановилась, когда увидела появляющуюся ухмылку на лице Кагуи. — Понятно... Так вот значит как это будет? Ты обвинишь меня в нападении на Каллен, скажешь, что это я пользователь Стенда...

Кагуя повела плечом. О, вот ведь...! Юфемия сделала шаг назад, чтобы приготовиться к прыжку, но обнаружила, что ее ногу расплющила другая фея. Нет! В таком состоянии она не сможет совершить нужный прыжок. Кагуя была слишком далеко, ей нужна была хотя бы одна свободная нога, чтобы собрать импульс. Ее шанс был упущен.

"Надо было убить ее, слабачка. Слабачка-тюфячка Юфи! Вот так ты и умрешь."

— Дверь заперта! — кряхтел голос за дверью. — Не могу войти, нужно выбить ее!

Бессмысленно. Совершенно бесполезно. Дверь была довольно прочной. На то, чтобы ее выбить, уйдет не меньше полминуты, и сейчас Кагуя опустила росток из плоти на пол. Он исчез, а затем крошечные биты пола словно бы начали передвигаться, когда фея с ростком двинулась к голове Каллен.

"Слабачка. Мягкотелая. Люди умирают, потому что ты побоялась замарать руки."

— Так, погодите... У дверей же есть засов, так ведь?

К настоящему времени Каллен уже начала получать значительное повреждение мозга,

которое мог бы восстановить только росток из плоти. Ничто не могло помешать Кагуе спустить курок. Может быть... Может быть, если бы у нее был собственный Стенд, своя особая сила, она могла бы—

"Убей ее, чтобы спасти себя. Кууу... Я никогда не проигрываю одному и тому же противнику дважды."

— Нет! — Юфемия схватилась за голову, когда комната вокруг нее внезапно стала темной и холодной.

Когда Юфемия пережила свой опыт с [Anubis], когда она вновь обрела волю говорить, внутри нее все еще была та часть, которая не могла преодолеть необоснованную, терзавшую ее вину, что она позволила злему духу так легко взять ее под контроль.

Она оглянулась на Каллен. Порезана на половинки. Кровавое пятно на полу.

— К-Каллен... Почему?

Она посмотрела на Кагую. Головы нет. Тело все еще стояло. Держа пистолет так, словно она могла выстрелить в любой момент.

— Ее контролировали! Она не отвечала за себя! Она этого не заслужила...

Чья-то рука легла ей на плечо, и она обернулась. Сузаку! Снова облегчение... Но что это за выражение на его лице? Такое холодное, такое разочарованное. Он медленно покачал головой и тяжело, устало вздохнул.

— Юфи... Подумать только, что ты станешь таким же монстром, как все остальные, — он бросил свой рыцарский сгил на пол. — А я-то думал, что ты другая. Я думал, что я-... Ты просто Кровавая принцесса, и это все, чем ты когда-либо будешь известна.

— О, вот это хорошее личико, — прошептала Кагуя. Свет, цвет и тепло вернулись в комнату. У Юфемии учащенное дыхание. Она смотрит смерти в лицо. Нет, судьбе хуже смерти. Смерть, которая будет использована на службе истинному злу. — Пусть это будет твоим последним личи-...

Внезапно дверь позади нее распахнулась. И так, это может создать неправильное впечатление. Да, эта дверь была на петлях. Но дверь не распахнулась. Вместо этого ее потянули поперек, отодвинув вместе с ней и засов. Или, другими словами, она открылась, как складная дверь.

— Т-Тамаки?! — ахнула Кагуя, оглядываясь через плечо на сердитого красноволосого японца. Его руки были обмотаны бинтами, и, судя по выпуклостям под рубашкой, под ней тоже были бинты!

— Тамаки, ты должен мне помочь!

— А? — рыкнул Тамаки. Он наклонился, заставляя Кагую быстро попятиться назад. — Послушай-ка, леди. Я не знаю, насколько тупым ты меня считаешь, но даже я могу сказать, что твоя история пахнет!

— Н-нет! Понимаешь, из-за ее Стенда она прикрепляется к месту и-...

— И дает тебе доступ к запертой двери, — сказал другой голос, на этот раз Юфемия,

несомненно, узнала его. Учитель Сузаку и заноза в боку Британнии на протяжении семи лет: Кёсиро Тодо, чудотворец! — Пришло время взглянуть фактам в лицо, миледи. Твоя уловка раскрыта.

Кагуя рассеянно подняла пистолет в их сторону. Затем, по какой-то причине, Тодо подпрыгнул в воздух, ухватившись за дверную раму и повиснув на ней. Одновременно с этим пистолет Кагуи выпал из ее руки, как будто он вдруг стал слишком тяжелым, чтобы держать его.

— Можешь сдаваться, — сказала японка, подходя сбоку. Ах! Это, должно быть, Нагиса Тиба из Четырех Святых Мечей! — Давай сделаем все мирно, у нас к тебе парочка вопросов.

— Ннгх... Нееееет! — завопила Кагуя. — Только не так! Я не могу проиграть вот так!

— Разве этого недостаточно? — спросила Юфемия. — Вряд ли у тебя достаточно феек или ростков из плоти, чтобы схватить всех нас. Примите поражение с достоинством, миледи. Эта битва Стендов окончена.

— Еще нет! Я все еще могу выиграть для моих хозяев! — закричала Кагуя. — Росток из плоти! Проникни в голову Каллен! Мы вдвоем, сообщая, прикончим вас всеееееех!

Внезапно все почернело. Юфемия на секунду забеспокоилась. Неужели кто-то из ее феек незаметно напал на нее? Но через пять секунд зрение вернулось. Кагуя лежала на полу, и на нее смотрели остальные четверо. И тут произошло нечто по-настоящему пугающее. Что-то, что заставило Юфемию полностью испугаться этого удивительного нового мира, в который она заглянула.

Каллен стояла.

Это не должно быть возможно. Каллен не должна была дышать по крайней мере три, может быть, четыре минуты. И все же, вот она, поднимается на ноги. Полностью в сознании... и с зияющей дыркой в скотче, закрывающим ее рот.

— Это поднимает еще больше вопросов! — запротестовала Юфемия. — К-Каллен! Как ты продырявила скотч? Твои руки были в ловушке!

Пока она говорила, Каллен старательно игнорировала ее. Вместо этого она сняла скотч, как ребенок, разворачивающий подарок на день рождения. Как только скотч с ее рта был снят, она сплюнула.

— Ты в порядке? — спросила Тиба Каллен. — У тебя кровь во рту.

— В норме, — сказала Каллен, вытирая рот. В равных долях вытирая кровь и пытаясь вернуть хоть какое-то чувство к губам. — Во всяком случае, меня больше раздражает, что мне придется купить новый складной нож.

Тодо наклонился, чтобы поднять что-то с пола, внимательно изучая этот предмет в своих руках. Это был острый кусочек металла, похожий на кончик ножа. На нем была кровь. Это было то, что Каллен выплюнула из рта мгновение назад. Это означало, что именно этим лезвием она разрешила скотч. Он был у нее во рту, и она использовала его, чтобы сделать дырку, через которую могла дышать!

— Это было очень рискованно, — заметил Тодо. — Что, если бы она обратилась к другой стратегии?

— Основываясь на том, как работала сила ее Стенда, это казалось самым оптимальным вариантом, — сказала Каллен. — Было очевидно, что она не хотела меня убивать, иначе она положила бы мне под ногу гранату или еще что-то, а не теннисный мячик. Ее настоящая цель состояла в том, чтобы засунуть росток из плоти мне в башку, а это не случится, пока я буду в сознании.

— Она все еще могла выбрать другую стратегию, — сказала Юфемия. Все остальные повернулись, чтобы посмотреть на нее. Юфемия вдруг почувствовала себя немного не в своей тарелке, но твердо стояла на своем и держалась своей линии. — Ты, наверное, сделала это, когда отбила ту пулю? Никто из нас ничего не видел, и после этого ты ничего не говорила. Откуда тебе было знать, что это произойдет.

— Я не была уверена, — призналась Каллен. — Наото всегда говорил мне следовать своим инстинктам, и это то, что они говорили мне делать. Думаю, если бы она не заклеила мне рот, я могла бы воспользоваться этим как частью внезапной атаки. По крайней мере, мне не пришлось резать себе лоб...

"Видишь? Так вот мир и работает. Убей или будь убитой. Ей плевать было на тебя, она защитила тебя только из предлога, чтобы воплотить свой бестолковый план. Ничего больше."

— Ты защитила меня только потому, что тебе нужно было проверить это? — рассеянно спросила Юфемия. Неужели это действительно так? Ее защитили по такой глупой причине? В пылу момента ей правда казалось, что они действовали сообща, образовали даже связь.

— Чё? А, нет! — Каллен скрестила руки на груди и отвернулась. — Зеро приказала мне защищать тебя. Думаешь, я бы позволила этому случиться с тобой вот так просто?

"Еще одна ложь! Если она пыталась защитить тебя, то зачем подвергать тебя такой опасности? Она могла бы драться с Кагуей другими способами, не подвергая тебя риску!"

— В любом случае, это кажется достаточно убедительным? — Каллен грубо отвернулась от Юфемии, чтобы обратиться к остальным. Как неприлично! Они еще не закончили! Юфемия все еще не понимала... — Я бы сказала, совершенно очевидно, что ее контролировал кто-то другой, верно?

— ...Тч, ага! Наверное, ты права! — неохотно признал Тамаки, нетерпеливо потаптывая ногой и глядя в потолок. — Но я не в восторге от того, что она здесь.

Юфемия моргнула, тоже теперь понимая. Ах да, конечно. Целью Каллен было не выиграть этот бой. Та должна была предоставить остальным убедительные доказательства того, что Кагуя заражена. Невероятно. Удивительно! В какой по-настоящему пугающий мир она попала.

— Это серьезно ставит нас перед совершенно новой дилеммой, — объявил Тодо. — Теперь, когда мы знаем, что внутри леди Кагуи находится росток из плоти... Что нам с ней делать?

====Генбу====

— Итак, Генбу, как же они убедили тебя работать на них?

Последний японский премьер-министр забарабанил пальцами по столу перед собой и со злой

усмешкой уставился на голову, покоящуюся в банке. Генбу Куруруги всегда нравился генерал Катасе, поскольку он был истинным японским патриотом во всех смыслах этого слова. Его выводило из себя, что судьба этого человека теперь сводится к этому. Он заслуживал лучшего, но и они все тоже.

— Местью, — честно ответил Генбу. — Разочарованием. Когда я узнал, что моя собственная кровь по своей воле присоединилась к британской системе пожалованных граждан и добровольно предложила свою жизнь на службе Императорской семье, ну, тогда я вряд ли мог отказаться, да? А как насчет вас двоих?

— Также месть, — согласился Катасе, и Кусакабэ рядом с ним твердо кивнул. — Я не мог допустить, чтобы этот принц думал, что он может подорвать и извратить японское сопротивление ради своих поганых целей.

— Использовать плоды всех наших усилий в качестве безумной уловки для трона, — выплюнул Кусакабэ. — Кууу! У меня кровь в жилах закипает от такого! Он недостоин той силы, которой владеет, этот коварный змей!

Излишне говорить, но все трое мужчин были чрезвычайно озлоблены своей смертью. Это оставило их с незавершенными делами, и когда душа умирает с незавершенным делом, она задерживается и гноится внутри самой себя, даже в Мире С. Никто из них не видел в своих действиях зло, жестокость или испорченность. Для них это было целеустремленное продолжение единственной цели, которая, по их мнению, была абсолютной необходимостью, и пусть все другие соображения будут отброшены в сторону.

Короче говоря, иной тип зла, чем тот, которому они противостояли... Или на который теперь работали.

Тем не менее, Генбу Куруруги был настолько же упрямым, насколько и умным. Поэтому он перевел разговор в этой темной потайной комнате на тему, которая разъедала его с тех пор, как он безвременно воскрес.

— Хотя я все еще задаюсь вопросом, здраво ли передавать Японию Китайской Федерации, чем Британии, — ему было удивительно больно признавать это. — Правда ли что мы следуем за ними из-за одной лишь жажды мести? Или наше возрождение было каким-то образом запятнано ими? Возможно ли, что эти вампиры каким-то образом контролируют нас и направляют наши действия?

— Какой возмутительно мягкотелый-... — начал было Кусакабэ. Пользователь Стенда встал, как будто угрожая Генбу, но если он серьезно думал, что он испугается его Стенда, то ему следовало придумать что-нибудь получше!

— Джосуи, не стоит, — мягко сказал Катасе, успокаивая дикого зверя с привычной легкостью. — Генбу, я также рассматривал эти проблемы. Да, это вполне возможно, даже вероятно, что возвращение из мертвых в виде зомби подпортило наши взгляды на жизнь. И все же, если Евнухи верят, что они полностью контролируют нас, тогда наш ответ лежит в Джосуи и его мощной способности Стенда.

[New Clear Days?]? На лице Генбу Куруруги расплылась пугающая и по-настоящему зловещая улыбка.

— Ни слова больше, — Генбу постучал себя по носу. — Наверное, тебе только и остается заниматься этим в наши дни, мой старый друг: думать, планировать и наблюдать. Хотя мне

правда интересно, задумывался ли ты о том, откуда вообще Китайская Федерация берет этих найтмэйеров...

Он замолчал, чтобы привлечь их любопытство. Два зомби не разочаровали его.

— Мне показалось странным, что у Федерации имеется такое современное оборудование, — сказал Кусакабэ. — Особенно эта штука.

Все трое поняли, что он имел в виду без лишних деталей. В этом мире было очень мало такого, что могло бы вселить хоть малейший след страха в такую упрямую душу, как Генбу Куруруги, и это было еще до того, как он стал зомби. И все же, эта штука была настолько ужасна, что по его немертвому позвоночнику пробежал холодок. Эта штука обладала ощутимым внушительным присутствием, хотя и не была даже отдаленно закончена. Поначалу он был сбит с толку тем, что Верховные евнухи начали строить свои планы до ее постройки, но довольно скоро это обрело смысл. Они просто не были уверены, что оно вообще будет когда-нибудь готово... Или что им удастся найти кого-то с достаточной волей, чтобы приручить то, что они творили. Безжалостную и бездушную мерзость с силой бога.

— Британния, — сказал Генбу, заставляя себя вернуться в нужное русло. — Какой-то агент из Федерации отыскал чертежи чрезвычайно передовых технологий из имперского источника. Некоторые из них - целые найтмэйеры, другие - кусочки и фрагменты, которые китайские инженеры собрали в собственные найтмэйеры, — он наклонился вперед. — Трудно не задуматься тут, да? Если эти чертежи работают, и они такие же мощные и продвинутые, как это, и Китайская Федерация смогла их украсть...

— Почему сама Британния не использует их? — закончил Кусакабэ. — Мне на ум приходят только две причины: в конструкции есть изъян, или они используют нас для тестирования этой новой технологии.

— Нет, не очень сходится тем, как любят поступать британцы, — сказал Катасе.

Бровь Генбу заинтересованно приподнялась. В этом вопросе генерал подходил гораздо лучше, потому что он сражался и боролся против Британнии гораздо дольше, чем Генбу.

— Они, скорее, испытают это у себя дома или полностью уничтожат, чем позволят такому попасть в руки другой сверхдержавы. Что означает, оно должно было быть выпущено под каким-то пред-...

— Ну все, вы, никчемные личинки! Вам всем обещали отдых и жратву, чтобы вы, попрошайки, убрались с улиц! Если вы зайдете туда, то найдете себе пир!

Трое зомби затихли, и пара тяжелых дверей скрипнула. Первая, за пределами этой комнаты, закрылась. Вторая, соединяющая эту комнату с другой, медленно начала открываться. Внутри стояла группа людей, всего около сорока человек. Их одежда была растрепана, глаза и скулы впалые. И эти лица начали постепенно наполняться абсолютным смертельным ужасом.

— Это может подождать до другого раза, — угрожающе облизнул губы Генбу.

Элементы пира, стоящие перед ними, развернулись и заколотили в дверь, умоляя выпустить их. Что выглядело довольно глупым, поскольку именно их попрошайничие мольбы привели всех их сюда!

— У меня нет привычки говорить о работе во время еды.

====Каллен====

— Что нам с ней делать?

Вопрос навис над ними, подобно темной тучи. Основываясь на их информации, ростки из плоти были инструментом чистого зла, даже страшнее силы Гиасса возобладать над разумом, поскольку последняя хотя бы не казалась такой изначально испорченной. Верхушка Черных Рыцарях собралась в ее каюте для обсуждения этого вопроса, пока тем временем леди Кагуя лежала без сознания на ее кровати.

— Мы не можем позволить себе потерять ни одного медика, — заметил Урабэ. — Если верить доступной информации, оно разрежет руки любому, кто хотя бы попытается его извлечь.

— И не стоит забывать, какой уровень навыка здесь понадобится, — согласился Тодо. — Мне больно это признавать, но другой альтернативы я не вижу.

— Чё? Да ладно вам! — завопил Тамаки. — Вы же не хотите сказать, что прикончите ее? Вот так просто?

— Должно быть что-то, что мы можем сделать, — согласилась Каллен.

— О, и что же это может быть? — поинтересовалась Ракшата. — Сам риск здесь просто до ужаса велик, и если мы попытаемся его устранить, есть шанс, что она все равно умрет, — конструкторша пожалала плечами. — Мы понимаем, что это трагедия, но в тот момент, когда эта штука была помещена ей в голову, ее судьба уже была предрешена.

Каллен не могла в это поверить. После всего этого они вот так просто позволят леди Кагуе умереть? Конечно, это правда, они ничего не могли сделать, кроме как отойти в сторону и опустить руки, но все же—

"Каллен... Я вижу лицо Бога!"

Она тряхнула головой. Нет! Только снова! Не как с ее мамой. Проклятье, она не позволит Кагуе просто умереть!

— Должно быть что-то, что мы можем сделать! — запротестовала она, и ее встретила полная тишина.

Даже Тамаки, обычно любящий всегда побазарить, не проронил ни слова. Он зарычал. Удовлетворение завертелось в воздухе вокруг него, пытаясь что-нибудь придумать... Но никому нечего было сказать, пока внезапно не заговорил Оги.

— Эй, стой! Отойди от нее!

Это вывело Каллен из состояния отвращения к их ситуации, развернуло ее и то, что она увидела... Юфемия, которая опустилась на колени у головы Кагуи, протянув пальцы к ростку из плоти. О нет, эта дура! Она рванулась вперед, но даже скорость реакции Каллен не была достаточно быстрой на таком расстоянии. Юфемия крепко сжала росток из плоти, а затем осторожно, но твердо начала вытаскивать его.

Некоторые из них попытались броситься к ней, но Сэнба преградил им путь.

— Вмешаться сейчас будет худшим, что мы можем сделать, — сурово предупредил старик. — Жребий брошен. Если мы вмешаемся, это точно убьет их обоих. Если мы ничего не предпримем, есть шанс, что они выживут.

— Спасибо, Рёга Сэнба, — сказала Юфемия. Ее глаза были полностью сосредоточены на задаче, стоящей перед ней. — Я читала доклады о вас и других Четырех Святых Мечах. Ваша мудрость и мышление были особенно высоко оценены. Простите за вопрос, но я не видела Сёго Асахину с вами. Он здоров?

— Он мертв, — сказал Тодо. — Умер при исполнении долга.

— Ох, — произнесла Юфемия. Щупальцевый усик вырвался из ростка плоти и порезал тыльную сторону ее ладони. К всеобщему удивлению, возможно, даже Юфемии, она не дрогнула. Ее рука оставалась твердой, и она продолжала осторожно вытаскивать его. — Возможно, это запоздало, но я искренне сожалею о вашей потере.

— Спокойствие, — осторожно сказал Оги, а затем прошептал: — Я приведу врача, остальные держитесь тихо!

Каллен кивнула. Хорошо мыслит. Еще один усик вышел из ростка и обвился вокруг запястья Юфемии. Он сжал ее, сильно, а затем первый нырнул внутрь царапины, которую сам и сделал. И все же, эта избалованная принцесса продолжала дело, продолжала вытаскивать его миллиметр за миллиметром. Рискую собственной жизнью и своими руками в попытке спасти жизнь другого человека.

— Я просто не верю в это, — в изумлении пробормотал Тамаки. — Какая муха ее укусила, чтобы она решилась на такое?

Каллен тыкнула его локтем, чтобы заставить заткнуться, но Юфемия все равно ответила.

— Потому что я понимаю, каково это, когда тебя контролируют, — сказала она. — Я... понимаю, каково это... когда твое тело не слушает тебя... и заставляет делать злые вещи близким тебе людям против твоей... Ннгх! Против твоей воли!

Щупальцевый усик теперь начал пробираться под ее кожей. Можно было почти увидеть, как он, словно какой-то червь, ползет прямо под поверхность. Другой рукой Юфемия схватила себя за плечо, стараясь не дрогнуть.

— По сравнению с этим, эта боль - ничто.

А потом все вышло наружу. Юфемия подняла его над головой, недоверчиво глядя застланными от слез глазами на этот отвратительный комок корчащейся плоти. Однако, этот росток еще не закончил! В последнем трусливом движении он выпустил еще больше усиков и направил их, целясь в глаза, нос и рот Юфемии.

— С тебя уже хватит.

Но он не успел достичь желаемого. Ибо Каллен Кодзуки отбила их всех тем, что осталось от ее поломанного ножа. Она проткнула основную массу ростка и пригвоздила его к полу, а затем бросила на него горшок. Зажав росток из плоти между ним и металлическим полом! По крайней мере, в теории. Вслед за этим последовала адская борьба, и Каллен действительно изо всех сил старалась удержать его на месте.

— Позволь мне, — сказал Тодо.

Его Стенд, [Beast of Burden], манифестировался позади него и взревел, трясая своей спиной и посылая одинокую метку прямо на горшок. Как только это было сделано, Тодо спокойно сел на соседний столик в позе сэйдза. Разница в росте была более чем достаточной, чтобы горшок стал достаточно тяжелым и поймал росток из плоти в ловушку, независимо от того, как сильно тот бился и выл!

— О, супер! — захлопала быстро Ракшата. — Теперь мы можем изучить этот немного диковатый биоматериал. Может бы, мы даже сможем придумать иммунитет от него или какой-нибудь метод его обнаружения?

Точно. Это была Ракшата в привычной среде обитания, да? Научные анализы и исследования, все подобное пролетела в голове Каллен за секунду. Забавно, но обычно именно эта женщина занималась приготовлениями для Каллен к выполнению ее работы. Никак не наоборот.

Эта мысль не нашла продолжения, так как в комнату ворвалась команда врачей во главе с Оги. Сначала они бросились прямо к Кагуе, а затем большинство рванули обрабатывать рану на руки Юфемии. Каллен не была уверен, как к этому отнестись. Обычно, врачи обучают во время ситуация заниматься пациентами в наиболее тяжелом операбельном состоянии. Это означает, что чем менее серьезна травма у пациента, тем лучше. Это также означает, что если для пациента ничего нельзя сделать, потому что его травмы слишком серьезны...

Но ее опасения рассеялись. Когда Кагуя открыла глаза и медленно села, потирая голову.

— Кагуя! — крикнула Каллен, падая на колени, чтобы проверить ее. — Как ты себя чувствуешь?

— Уставшей, — зевнула Кагуя. — Раздраженной, что меня спасла британнская принцесса, — глубоко посаженный хмурый взгляд упал на ее лицо. — Убийственна зла на Верховного евнуха, который засадил эту штуку мне в голову.

— Слава богам, — сказала Юфемия. Она смотрела, словно зритель в толпе, поверх врачей, которые обрабатывали ее рану на руке и уже готовили бинты. Поразительно! Почему больше никто из ее семьи не может быть таким? — Никто не должен переживать эту боль. Никто.

Потом без всякого предупреждения Юфемия упала. Ее пришлось подхватить и осторожно уложить на пол - потеряла сознание, тяжело дышит. И вот что странно. Юфемия казалась такой довольной во сне, и- возможно, это была игра света? Каллен могла почти поклясться, что увидела какую-то странную темную тень, нависшую над ее телом, силуэт человека с собачьей мордой, поднимающего руки к небу и кричащего в муке, прежде чем внезапно рассеяться.

— Так и, что теперь? — спросил Оги, нарушая неловкое молчание и оглядывая каюту. У всех были такие серьезные лица. — Прямо сейчас мы движемся напрямиком на вражескую территорию, окруженные военными кораблями, контролируемые тем же врагом.

Сэнба вздохнул, — Даже если мы знаем, что движемся в пасть ада, это никак не поможет нам избежать попадание в нее.

— Точняк, вся эта хрень просто смердит! — вскрикнул Тамаки. — У них больше людей, лучше снаряга, преимущество на домашнем поле и они, похоже, планировали все это годы!

— Все именно так, — согласилась Кагуя. Юная девочка облокотилась на руку и присела на

колени. Каллен двинулась, чтобы помочь ей встать, но Кагуя была против. Она оттолкнула Каллен и поднялась во весь свой – пусть и небольшой – рост самостоятельно. — Они даже не поймут, что их ударило!

— О да! — воскликнул Тамаки. — Мы - Черные Рыцари! Мы те, кто увидели мощь Империи и шагнул вперед с обнаженными мечами!

— Не ради нации, но ради справедливости! — продолжил Дитхард.

— Как еще мы можем назвать этих Верховных евнухов, если не врагами справедливости? — спросил Урабэ. — И я говорю вам, что наша миссия такая же, как и всегда. Мы сразимся против тирании!

Поехали! Настроение было поистине заразительным. Там, где раньше был едва сдерживаемый смрад поражения, теперь снова появилось неповиновение. Там, где была неопределенность, теперь была ясность. Подозрение сменилось надеждой. Отчаяние рассеялось! Мораль взлетела!

— Один вопрос! — встряла Тиба. — Где Зеро? Разве она не должна быть с нами?

— Ох, Зеро? — повторила Каллен.

Она постучала себя по макушке и рассмеялась, таким смехом, который рождается где-то глубоко в легких. Тот тип смеха, который сопровождает самый мрачный юмор, самые злостные шутки. Возможно, ей не следовало смеяться, когда Юфемию тащили на носилках, но это показывало, как сильно изменилось ее мышление в последнее время. Раньше мысль о том, что кто-то из этой семьи пострадает, казалась ей уморительной.

— Зеро... разыскивает охрнительное секретное оружие.

====Синкэ====

Давным-давно жил-был вор, который встретил ребенка, коронованного Императрицей. Один из них был заключенным. Другой был преступником. Это их история.

История эта простирается в стране, известной как Китайская Федерация, которая охватывала большую часть Азиатского континента. Несколько стран с разнообразной и отличной от друг друга историей были поглощены этим массовым союзом из-за сочетания политического давления и военной мощи. Однако, ответственные лица быстро поняли, что их прежняя модель руководства не выдержит нового порядка. С этой целью они разработали долгосрочный план: они отойдут от своей предыдущей модели и возьмут на вооружение идеалы Карла Маркса. Они примут долгосрочный план перехода к коммунизму!

Увы, как это часто бывало, путь к этой предполагаемой утопии застопорился и стагнировал, поскольку те, кто находился в залах власти, не решались отказаться от этой самой власти. Людям все еще приходилось работать, не владея при этом собственностью. Каждый человек должен был каким-то образом быть продуктивным, а это означало рутинную проверку их здоровья.

Если вы не продуктивны - вы не нужны государству. Ах, но под государством они не имели в

виду нацию или общество: Синкэ прекрасно знал, что на самом деле они подразумевали тех, кто жил в Алом Запретном городе.

Молодой Синкэ сидел в кабинете врача, ошеломленный тем, что ему сказали. Он даже не слышал большей части того, что говорилось, только некоторые важные слова врезались в его мозг, подобно тонущему кораблю, падающему на дно океана. Такие слова, как «терминальная», «неизлечимая», «ожидаемая продолжительность жизни». Слова, которые давят на тех, кто их слышит, тяжелым, свинцовым страхом. Таким тяжелым, что поначалу высокий, сильный на вид парень сник на своем стуле, как будто съеживаясь, чтобы затем сжать руки в кулаки в твердой решимости.

Юноша возмущился, поднимаясь на ноги. Он чувствовал себя здоровым, как лошадь! Как раз накануне трое мужчин пытались ограбить его, и он победил всех троих сразу так же легко, как переходил улицу. Как можно было дать человеку, способному на такое, при самом оптимистичном исходе не более восьми лет?

Он уже знал ответ в глубине своего сердца. Это правда, что он был способным бойцом. Это правда, что уже много лет никто не побеждал его ни в одной игре, завязанной на тактике или физических способностях. Даже в играх на удачу казалось, что та улыбается ему, и те, кто знал его, называли его "человеком, дважды благословленным богом".

Поэтому молодой вор выбежал со слезами на глазах, не желая признавать правду о своей надвигающейся кончине. Говорят, что волки начинают преследовать человека за семь дней до его рождения. Сейчас он чувствовал, как они дышат ему в затылок. И поэтому он принял тяжелое решение уравнивать нависший над ним ужас.

Он ворвался в Алый Запретный город. В место, где жила Императорская семья Китайской Федерации вместе с Верховными евнухами и гвардейцами. Запретным это место прозвали не просто так. Высокие алые стены были не для показухи! Они были предупреждением для любого, кто осмелится нарушить границу: войди сюда без разрешения – и ты лишишься своей жизни.

Однако, какой прок с этого предупреждения, когда жизни у тебя почти не осталось? Гвардеец уже зашагал к нему. Копье, которым он размахивал, было неуклюже выставлено вперед. Как и ожидалось, у этих гвардейцев нет реального опыта сражений. Его удар был слишком очевиден, Синкэ легко парировал его, плечом толкнул мужчину, а затем помчался к главному зданию.

Качество охранников не росло по мере его продвижения, однако росло их число. Насколько неловкой окажется эта история для элиты! Но, увы, мастерство и стратегия могут завести человека только до того момента, когда между ним и его целью стоят сотни врагов. Даже самый опытный боец на планете вскоре будет повержен, когда двадцать неуклюжих мужчин набросятся на него все сразу. В этот момент Синкэ узнал, какова на вкус грязь в хваленном Запретном городе. Она ничем не отличалась от грязи снаружи.

В этот момент вмешался тоненький, но почему-то вызывающий голосок, тихо спрашивающий, что происходит. Синкэ использовал ту малую силу, которую мог собрать, чтобы поднять глаза и увидеть очень юную девочку, одетую в Королевские одежды, стоящую бок о бок с Верховными евнухом.

Эта девочка, должно быть, Тянь Цзы! Совершенно новая Императрица – ребенок, взявший на себя эту роль после смерти своих родителей! Посмотрите хорошенько, Ваше Величество, посмотрите, к чему приводят ваши искусственные попытки насаждения коммунизма. Отчаяние

масс ради вашей роскоши!

Верховный евнух дал пренебрежительный ответ: простой вор, подлежащий казни.

И все же, Тянь Цзы отказала вору в этой судьбе, показав намек на вызов в своем поднявшемся тоне, словно тот извержение вулкана. Если ему удалось так легко прорвать их оборону, то они должны, по крайней мере, поговорить с ним, обсудить средства, с помощью которых можно улучшить безопасность.

В тот день, по прихоти Императрицы, жизнь вора пощадили. Звучит как что-то из сказки, да? Разумеется, в будущем вор и Императрица полюбят друг в друга? Да, но полюбят не романтически. Это больше походило на любовь между ребенком и его приемным опекуном. Вскоре он узнал, что эта Императрица не имела никакого опыта общения с внешним миром и всю свою жизнь провела в этом сверкающем алом городе. Она была наивна, невинна и добра – капля чистоты в яме с ядом. Какая черная душа, обнаружив такую вещь, решит сделать что-то, кроме как попытается хотя бы защитить ее всем своим существом?

После своей первой ночи во дворце он обнаружил, что единственную дверь в его комнату охраняют мужчина и женщина, оба в светло-коричневой форме гвардейцев. Мужчина был плотного телосложения и носил характерную заостренную козлиную бородку, которая сопровождалась бакенбардами, свисавшими по бокам его лица. Взгляд был одновременно смешным и, в немалой степени благодаря демоническому хмурому выражению на его лице, довольно пугающим.

Женщина была высока и стройна, с парой глаз, которые словно бы не были способны на веселье. От нее исходило ошеломляющее ощущение того, что она абсолютно серьезная женщина, без чувства юмора, но с острым вниманием к деталям. Хотя она и не казалась такой страшной, как этот мужчина, инстинкты Синкэ подсказывали ему, что именно о ней следует больше беспокоиться.

Мужчина шагнул в комнату Синкэ, как будто хотел схватить его, и поэтому Синкэ оттолкнул его – только для того, чтобы обнаружить, что его схватили за рукав, а руку вывернули за спину.

— Ну и обслуживание в комнатах у вас в Алом Запретном городе, — съязвил он.

— Мы обходимся так только с нарушителями, — угрожающе усмехнулся мужчина. — Зачем ты здесь, Ли Синкэ? Зачем ты ворвался в Запретный город? Ты пришел, чтобы напасть на Императрицу?

— Нет, — сказал он, — я бы никогда не навредил ей!

— Тогда с какой целью ты сюда пришел? — продолжал давить мужчина. — Если не навредить ей, тогда какая вообще может существовать причина, что ты пошел на такой риск?

— Потому что я уже ходячий мертвец! Что мне терять?

— Что это за причина такая?! Говори правду! Что ты хотел украсть? Отвечай!

— Хватит, Хонг Гу! — внезапно объявила женщина. Она шагнула вперед, заложив руки за спину. — Синкэ... Я видела с далекой башни, как ты сокрушал гвардейца за гвардейцам с мастерством и силой. Так и? Почему ты не избежал такого простого захвата, каким тебя наградила Хонг Гу?

Чтобы ответить на это, Синкэ наклонился вперед и швырнул Хонг Гу прямо в женщину, уронив их обоих на пол. Прежде чем они успели снова подняться, Синкэ поставил ногу на спину Хонга, придавив их обоих к месту.

— Потому что я хотел подчеркнуть кое-что, — сказал Синкэ. — Я думаю, вы оба согласитесь, что прямо сейчас я держу в своих руках ваши жизни?

— Я согласна с этим, — сказала женщина.

— Хорошо! Раз уж мы пришли к взаимопониманию, — Синкэ поднял ногу, затем развернулся к окну, повернувшись спиной к ним обоим. — Я понимаю, что вы чувствуете. После вчерашнего разговора с Императрицей мое сердце было тронуте ее бедственным положением. Она так же бессильна, как и все мы.

— Что ты-... — начал Хонг, но женщина вытянула руку, останавливая его попытку напасть. — Чжоу, что все это значит?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Чжоу, но у Синкэ было такое чувство, что она сама прекрасна понимала подоплеку его слов.

— Императрица - пленница в этих стенах. Верховные евнухи тайно управляют всем. Именно они истинная причина страданий народа, истинная сила в Китайской Федерации. Пиявки высасывают кровь из людей, оставляя нас всего лишь мертвой нацией.

Он посмотрел на них через плечо, уверенный, что правильно их оценил. Судя по их поведению и словам, вполне вероятно, что они чувствовали то же самое, что и он.

— Так почему бы нам не сделать что-нибудь с этим...?

Вот так все и началось. Для Синкэ его следующий шаг был рискованным: он понятия не имел, как долго сможет прожить и доведет ли он план до конца. Но он должен был попытаться. Ему больше ничего не оставалось, кроме как попытаться увидеть, добьется ли он в итоге успеха. Его отправили в военную академию, чтобы он стал офицером, тщательно скрывая его состояние здоровья, насколько это было возможно. В ходе этого он путешествовал по миру и изучал историю многих стран, оттачивал свое мастерство в боевых искусствах, в стратегии, в тактике и в командовании.

Затем, однажды, в одну судьбоносную ночь он вернулся в этот ярко-алый город, где снова встретил Императрицу-ребенка, стоявшую на балконе и смотревшую на восток.

— Иногда я прихожу сюда, чтобы увидеть рассвет, — сказала Тянь Цзы. Она оглянулась на своих гвардейцев, затем на самого Синкэ. — Я думаю о том, каково это, быть там, за горизонтом. Внешний мир, наверное, чудесное место. Если бы только он не был таким опасным...

Императрица замолчала, словно заметив что-то странное.

— Ты что-то прячешь за спиной? — спросила она и бросилась к нему.

Она попыталась заглянуть ему за спину, но Синкэ был слишком быстр для нее. Он повернулся, держа предмет вне поля зрения, пока она не бросилась вокруг него - в этот момент он поворачивается в противоположном направлении и падает на колени, представляя вещь ей в процессе.

— Подарок из Европы, — сказал он. — Его можно назвать метафорой для мира, что находится за стенами Запретного города.

Ее глаза загорелись изумлением, на которое способен только ребенок, когда она подняла предмет в воздух. Это был цилиндр из цветного стекла, наполненный водой, на одном конце которого собрался воск. На одном из концов цилиндра была подставка, чтобы предмет мог стоять вертикально, а внутри — простой свет, который имел решающее значение для функционирования прибуды. Синкэ уже поместил туда батарейки. Оставалось лишь щелкнуть переключателем.

Загорается свет, и вскоре после этого кусочек воска начинает пузырится в цилиндре, достигая верха, а затем медленно опускается на дно. Это повторяется с кажущимися случайными интервалами, создавая образ, который поражает и восхищает Императрицу.

— Это называется лавовая лампа, — сказал Синкэ. — Видите, как образуется эти формы, поднимаясь и опускаясь? Внешний мир точно такой же. Сначала все кажется случайным, прелестным хаосом. Но затем, посмотрев достаточно долго, вы начинаете видеть закономерности внутри хаоса... Но он по-прежнему остается таким же чудесным, как и раньше.

— Синкэ... — прослезилась Тань Цзы. — Мне никогда раньше не дарили такого подарка! Ну же! Расскажи мне больше о внешнем мире! Я хочу услышать о нем все!

Ах, она была так счастлива в этот момент. Он мог бы побаловать ее еще немного.

— Тогда как насчет этого?

Он протягивает к ней мизинец и жестом предлагает ей сделать то же самое. После минутного колебания она делает это, и он переплетает их пальцы вместе.

— Эта традиция зародилась в Японии. Это называется клятвой на мизинцах. Оно означает обещание, которое никогда не может быть нарушено.

Должно быть, это выглядело странным: взрослый мужчина скрещивает мизинцы с маленькой девочкой. Юная Императрица казалась совершенно очарованной жестом из другой страны.

— Понятно... — ее голос был полон изумления. — Тогда это означает, что ты должен пообещать мне, Синкэ. Однажды ты заберешь меня из этого города. И ты отведишь меня туда, где делают лавовые лампы и другие чудеса!

— Хорошо, — ответил он без малейшего колебания. — Обещаю. Однажды вы увидите мир за этими четырьмя стенами. Вы будете ходить по чужим землям и дышать их воздухом.

Увы, но он никак не мог сдержать это обещание. Ибо он не мог предугадать, какой поворот примет судьба всего через несколько месяцев. Он отправился на встречу со своими друзьями и союзниками, Чжоу и Хонгом, чтобы они могли спланировать, как лучше всего вырвать власть из рук Верховных евнухов, освободить Императрицу и облагородить нацию, которую он так любил.

Чего он, однако, не ожидал, так это увидеть Верховного евнуха, стоящего над Чжоу. Евнух сорвал со своей головы прядь волос, которая дергалась, как извивающаяся змея. Затем он опустил это на голову Чжоу—

— Не трожь ее! — закричал Синкэ, не задумываясь бросая Евнуха на пол. Он повернулся к Чжоу, которая начала кричать. Прядь волос вонзилась ей в череп! Что это такое? Что здесь происходит?!

Именно тогда он заметил, кто удерживает Чжоу.

— Хонг Гу! Что ты делаешь?! Ты... ты же ненавидел евнухов, как и все остальные! Неужели все это было притворством?

— Ку-ку-ку... Нет, не было, — хихикнул Верховный евнух.

Что? Синкэ был уверен, что он задел по крайней мере два жизненно важных органа! Он обнажил свой меч — и затем небрежным ударом мизинца Верховный евнух отправил его в полет через всю комнату; дыхание полностью вышибло из его тела.

— Боюсь, что Хонг Гу больше не в состоянии осуществить этот план по восстанию.

Синкэ с трудом перевел дыхание и поднялся на ноги. Эта сила была огромной, чудовищной! Стоит ли удивляться теперь, почему гвардейцы были все это время такими некомпетентными? С такой силой тем вообще не нужно быть сильными! Синкэ потянулся за мечом, но Чжоу поставила ногу на рукоять и уставилась на него совершенно остекленевшими глазами.

— Оно называется росток из плоти, — объяснил Верховный евнух, смеясь в тыльную сторону ладони. — Ах, и, чтобы ты знал, он не только позволяет мне контролировать людей по своему желанию, но я также могу взорвать его и убить в любой момент человека, в которого он был помещен. Вот так!

Евнух жестом указал на гвардейца, неподвижно стоявшего в углу комнаты. И словно по мановению его жеста голова человека взорвалась, словно в той оказалась бомба с гвоздями. Странные, похожие на плоть выступы торчали из случайных мест по всему его черепу, от чего Синкэ почувствовал страх и ярость, которых никогда прежде не знал.

— Тогда... я просто... вытащу их до того, как ты успеешь сделать это! — взревел Синкэ.

— Ох, но тогда я взорву росток в головушке Ее Величества.

Из угла комнаты появляется сама Императрица, прижимая к груди лавовую лампу. Что-то шевельнулось под поверхностью ее лба, словно там был какой-то червяк. Ее вид вызвал у него достаточно колебаний, чтобы двое его друзей легко смогли прижать его к полу. Верховный евнух стоял над ним, торжествуя и демонстрируя свою истинную природу зла.

— Ах, как жаль, — цыкает Верховный евнух. — Знаешь, я видел твою медкарту. Твое состояние. В терминальной, да? К несчастью, весьма вероятно, что росток из плоти сразу же спровоцирует твою болезнь на ее заключительную стадию... Но зачем выбрасывать такой полезный ресурс, когда у нас уже есть все необходимое, чтобы заставить тебя делать все, чего мы только пожелаем?

— Помоги мне... — тихо просит Тянь Цзы.

Эти монстры... Они держат ее в качестве заложницы, чтобы он выполнял их злое прихоти? И снова ему показалось, что он совершенно неправильно растолковал, что происходит в этом Запретном городе!

— Помоги мне, Ли Синкэ.

Вот такая была история, трагедия вора и Императрицы. Здесь и сейчас, Императрица сидит в своем тронном зале, уверенная, что вор украдет ее во внешний мир. И хотя она находилась под их зловещим контролем, не ошибитесь: Тянь Цзы будет помнить все, что происходило вокруг нее, до конца своей жизни.

Тем временем вор бессилен что-либо сделать, чтобы спасти ее. Он мало что мог сделать, чтобы остаться незамеченным, потому что они ему не доверяли. И не должны. Ибо в своем отчаянии, загнанный в угол, когда нечего было терять, Синкэ сделал единственное, что ему оставалось. У него не было союзников? Тогда он обратится к врагу.

Оставшись наедине в своей каюте, Синкэ сильно закашлялся. Капли крови опрокинулись на противоположную стену.

— Еще немного, — простонал он, а затем сильная дрожь охватила его тело и заставила рухнуть на колени. — Пожалуйста, еще немного!

Плотина прорвалась, и этот сильный человек начал безудержно рыдать.

— Зеро... — он мгновение колеблется, а затем презрительно рычит. — Лелуш... Любой, кто услышит!

Он фыркнул, и этот гордый человек с вызовом поднялся на ноги, зная, что должен отбросить гордость, чтобы поступить правильно.

— Ли Синкэ умоляет о помощи!

И через всю боль, которую он испытывал, факт того, что эта мольба может быть проигнорирована, был самой глубочайшей болью из всех.

<— To Be Continued

Сэйдза — поза сидения на коленях, руки на ногах, спина прямая, сегун гордится.

Логгинс - тот самый мастер Хамона, который вместе с еще одним усатым мастером обучали Джозефа и Цезаря азам боевого дыхания во второй части ДжоДжо.

Кстати, Хуан Цинь - один из Верховных евнухов, и по совместительству вампир - канонный персонаж, он также был в Коде Гиассе одним из Евнухов, вот его фоточка — <https://ami.animecharactersdatabase.com/uploads/chars/9180-1327633667.jpg> Впрочем, похоже, в этом фике он, как и подобает фэндому ДжоДжо, перекаченная под два метра грудиа мышц.

<http://tl.rulate.ru/book/41919/1475439>